

Эльга Мира

Улитка

*Мужчины, женщины,
постоянно рождающиеся для
любви, в полный голос заявите о
своем чувстве, кричите: «Я люблю
тебя», вопреки всем страданиям,
проклятиям, презрению скотов,
хуле моралистов. Кричите это
вопреки всяческим превратностям,
утратам, вопреки самой смерти...
Любить — это единственный
смысл жизни.*

*И смысл смыслов, смысл
счастья.*

Поль Верлен

Пролог

Я всегда была романтичной дурехой, «грезящей снами о чем-то большем». К сожалению, это «большее» частенько заводило меня на экстремальную тропу, где мечты разбивались о депрессивную явь. Так, в свое время из-за одержимости приключениями строптивое дитя

постсоветских девяностых умудрилось оценить уйму прелестей дворовой жизни со всеми вытекающими. Побег из дома, безразмерная футболка с листом конопли на груди, стрижка под мальчика, темные подворотни... Скажите, зачем все это мажорному подростку, продирающему глаза под песнь соловья на престижнейшей из киевских улиц — Заньковецкой? Знай себе поглощай плоды родительского капитала! Ан нет! Барышня томилась по ушедшим в ночь бродягам, дрожала струной в унисон высокой в небе звезде, зовущей в путь. И посему пижама-пати с беззаботными подружками сменились чердаками высоток спального района, а пирожные и мороженое — дешевым портвейном. Там, внутри священного круга, мы все словно превращались в пульсирующую вену, из которой рвалось наружу: «Перемен! Мы ждем перемен!» Гулкое эхо, отскакивающее от бетонных балок нашего чердачного святилища, все еще звучит в моих ушах...

Бесспорно, у каждого поколения свои идеалы и иллюзии. Жаль только, что в идеи последних героев, помимо оголтелой романтики, подмешался извращенный подтекст. Опьяненная шальной свободой молодежь пускалась во все тяжкие, в итоге — половина не перешагнула двадцатилетний рубеж. До сих пор не могу понять, как унесла ноги

из тех чердачных наркопритонов и что именно послужило поводом к побегу — разочарование, частенько сопутствовавшее иллюзиям, или спасительный перст судьбы. Мне искренне верилось в свой «неформат» среди зажавшихся толстосумов. Только вот, в отличие от истинных бунтарей, кичащихся своим тотальным безденежьем по настоящей нужде, а не из прихоти, я всегда могла вернуться в среду достатка и безграничных выгод. А потому плюнуть в душу предков, защищая свои принципы, было очень легко и просто. Так же легко, как и, надменно хлопнув дверью, отправиться на поиски великих авантюр.

Как бы там ни было, лихие девяностые благополучно промелькнули мимо, и жизнь понесла меня дальше — в нулевые годы нового тысячелетия. Наигравшись в революционеров, отбросив прошлое, я двинулась по вполне закономерной для своего круга траектории. Учеба за границей, дорогая машина, богатые друзья, переезд в Вену. О жизни в этом городе и пойдет мой рассказ.

Часть I. Вена

Глава 1

Вена. Великая и прекрасная Виндбона, украшенная кружевами соборов, чьи шпили, словно птицы, уносятся вверх, к небесам. Вена. Чарующая и гипнотизирующая. царица Европы. Нет тебе равных — от греческих островов до скандинавских фиордов!

Рождественской открыткой, вечной сказкой со счастливым концом мнится жизнь твоя, и кажется невыносимо очаровательным мир вокруг, переполненный искрящимся светом, овеванный пьянящим покоем. Беззаботно, легко время кружится под музыку венского вальса, несутся сквозь годы кринолины, шифоновые шлейфы, тончайшие паутинки гипюровых перчаток. Не успеешь оглянуться, за ними в архив веков упорхнут мини-юбки, легинсы, водолазки, а на смену придут другие модные веяния, которые Белокурая Сердцеедка также примет с величавым радушием королевы. Ну и пусть! разве имеет значение брэнная мишура для тех, кому Вечная Невеста позволила прикоснуться к своей нежной руке?!

Ах она жеманница! Какая же жеманница! Игривая, тонкая, томная...

Утром — салоны, вечером — Опера. Лошади, кареты, рауты, светские приемы. Раз, два, три. Раз, два, три. Раз, два, три. Век девятнадцатый.

Утром — парикмахерская, вечером — кино. Авто, коктейли, диско-клубы.

Раз, два, три. Раз, два, три. Раз, два, три. Век двадцатый.

За ним следом и двадцать первый подоспел. Раз, два, три. Раз, два, три. Раз, два, три...

Всего лишь три такта прозвучало, а молодость промелькнула. Потом средний возраст отойдет, закат покажется, и так захочется хотя бы сороковник вытащить из мешка фортуны! Но, увы, старение необратимо.

Гигантская мясорубка беспощадно перемалывает истории людей, то бросая их в темную бездну войн, то одаривая великими открытиями, и только Вена — неприступная и гордая, нарядная и царственно безразличная — будет стоять веками, неизменно отвергая пошлость, суету и претензии неудачников.

Люблю ли я этот город? Сейчас уже однозначно ответить сложно. Слишком многое пришлось оставить в нем, слишком дорогое похоронить. Но тогда, восемь лет назад, прыгнув прямо с трапа самолета в новенький Порш Кайман закадычной студенческой подруги Элизабет, по кличке Сиси, горячая южанка, млея от

удовольствия, ощутила, как жизнь превращается в бесконечный праздник.

Шел 2004 год... Решение обосноваться в австрийской столице сложилось из разноцветной мозаики: профессиональных амбиций, привязанностей, близких друзей, но самой главной причиной было чувство дома, что появлялось всякий раз по приезду сюда. Каждое дерево приветливо салютовало мне ветками, каждая улица манила и звала. Не говоря уже о птицах, щебечущих на все голоса: оставайся — мир падет к твоим ногам! Я внимала их пению, будто пророчеству, глубоко вдыхая пьянящий воздух. Мне верилось: стоит лишь в нужный момент уловить витающие здесь звуки музыки, разглядеть палитру городских красок, и на меня снизойдет божественное вдохновение. Оно впишет новое имя в недостижимый ряд гениев, где-то между Моцартом и Кокошкой.

Рукоплещи и ликуй, народ! Здесь появилась очередная звезда...

Юность горяча и самоуверенна. Жаль, ей, заливчатской, задиристой, творческой, не всегда достает ожесточенного напора зрелых лет. Если бы она понимала необратимость каждого дня, мир чаще наполнялся бы шедеврами и открытиями. Но, наивно полагая, будто ветер времени лишь прошуршит в волосах, сильно не потрепав,

расточает весна жизни бесценную энергию, упуская момент, теряя шанс. Так порой из-за праздности и легкомыслия умирают, едва зародившись в сердце, новая Седьмая Симфония или незабываемый реквием.

Однако стоит вернуться в солнечный день, к упомянутой выше «будущей звезде», которая, ерзя на гладкой коже авто, мысленно рисовала феерию со счастливым концом. В ней искушенный жизнью чувственный красавец однажды обязательно должен был крепкими ладонями прикоснуться к девичьей груди и с трогательной нежностью прошептать, чуть дыша: «В тебе весь мой мир!» Даже повзрослев, я осталась все той же восторженной дурехой.

Венская страница моей жизни призвана была ознаменовать очередной этап — назовем его «возвращение к Дольче Вита». К тому моменту мне казалось, что юношеский максимализм окончательно остался за поворотом. Начались по-хорошему сумасшедшие годы, когда легкомыслие позволяет, ни о чем не тревожась, гулять напропалую, безнадежно страдать из-за упущенной на предраспродаже майки Philipp Plein и не строить планов дальше завтрашнего похода в косметологический салон. Между дворовым детством и беззаботным австрийским вальсом еще затесался пятилетний путь к знаниям на факультете

международного права в Лозаннском университете, недолгая связь с преподавателем истории, а также знакомство с самой красивой и безбашенной блондинкой студенческого городка Элизабет Хильден-браун — музой, подругой, соратницей и подельницей. Что только мы с ней ни вытворяли, подстегнутые озорством и гормонами! Сколько невероятных историй осталось благодаря нашим выходкам в кулуарах кампуса... Безмерная привязанность друг к другу не дала расстаться даже по окончанию обучения. На выпускном Бет решительно заявила:

— Дорогая, ты едешь со мной, и точка!

Стоит ли срываться навстречу новым приключениям? Безусловно да! Туда, где нет места скуке, туда, где уже изнемогает от ожидания фортуна, где в один прекрасный день портнихи пошьют подвенечное платье.

— О чем задумалась? — рука Сиси легла мне на колено.

Музыка в машине стала громче. Бушующие децибелы быстро вернули к жизни.

— Размышляю, как много понадобится сил, чтобы вытравить универ из памяти, — соврала я.

— Самую малость, поверь! — засмеялась она в ответ.

На самом деле замужество для меня всегда было скорее эстетической картинкой, эффектным

кадром из мелодрамы, нежели предметом страстного желания и ближайшей целью. Нет, конечно, мечты раскрашивали будущее в радужные тона, но слишком много еще хотелось натворить до момента судьбоносной встречи — иначе в чем потом смиренно каяться? А если ты еще и тщеславна, хороша собой, гредишь бурными страстями, если обладаешь в придачу запасом времени и сил — пиши-пропало, накуролесить удастся намного больше, чем позволят замолить... Так что семейная жизнь подождет — вперед к авантюрам! Совершать глупости, гулять ночи напролет, притягивать самое чудовое: случайные знакомства, невероятные истории, серьезные неприятности. Не стану скрывать: последних в моей жизни хватило бы на десяток мыльных опер, а всему виной чертова инфантильность, неспособность в нужный момент принять ответственность за свои поступки. Забегая вперед, скажу: потакание прихотям толкнет меня однажды к отношениям, довольно странным для девушки, имеющей совершенно нормальные виды на нормальных парней. Сердце без сожаления пойдет наперекор здравому смыслу, будет обманываться раз за разом, лишь бы подольше остаться рядом с тем, чье призрачное присутствие ощущаю до сих пор. Убежденная, что зудящее стремление окружающих навешивать ярлыки на происходящее

исходит только из их скудного житейского аппетита, я пренебрегу моралью и устоями, разорву связи с семьей и друзьями.

Говорят, учатся на собственных ошибках. В отношении меня это правило регулярно давало сбой.

Хотелось бы мне, вернувшись в прошлое, изменить долгий и порой не самый достойный путь взросления с банальными, но не становящимися менее драматичными ошибками? Не уверена. Ведь совершает их человек, по сути, подчиняясь единственной жажде — быть счастливым. К тому же не существует правильного выбора, существует один из возможных. Мне остается лишь, пеняя на саму себя, с холодной четкостью наблюдателя пересказать историю маленькой драмы, приведшей к необратимым последствиям.

Глава 2

Первые пару лет венской эпопеи мои амбиции подкреплялись довольно серьезным материальным подспорьем с родительской стороны, что позволяло с безрассудным шиком тратить деньги на любые прихоти. Моя натура не отличалась необузданным мотовством, но столица располагала к жизни на широкую ногу. Посему окна шикарной мебелировки, снятой мною сразу по приезду,

конечно же, выходили на ратушу! Теплые тона интерьера, просторная и все же уютная гостиная в стиле бидермейер: стены, украшенные фотографиями и акварелями в красивых деревянных рамах, изящный антикварный стол в центре зала, рояль, камин и клетка с канарейкой — все стремилось к сентиментальной винтажной пышности, но смотрелось по-венски и умиляло до слез.

По утрам, после бурной ночи, я любила, растянувшись в шезлонге на просторном балконе, с наушниками в ушах наблюдать за потоком человеческой реки, проплывающей мимо. Он то расширял свое русло на огромных площадях, то сужался на маленьких улочках. Люди торопились поймать удачу за хвост. Мое же тело празднично млело на солнце от удовольствия. Оно имело все, что только пожелаешь!

А потом, однажды, эта река, обхитрив лихо, подхватила и понесла меня. Перекочевывая из одной квартиры в другую, меняя истории, мужчин, подъезды, этажи, я очутилась в скромной комнатухе с большим семейством по соседству. В двадцатиметровой каменной шкатулке с окнами во двор начался жизненный отсчет без особых средств для существования, но с полной уверенностью, что счастье в чем-то большем. С тех пор пробежало почти десятилетие. Так быстро пробежало! Но,

стоит закрыть глаза, снова вижу наш переулочек. Вот он, сонный, безмятежный, лишенный привычного пафоса. Пожалуй, такая картина придется по сердцу тем, кто не любит подсматривать за бурлящей жизнью эпохи. Я и сама с неких пор перестала принадлежать к числу алчных обжор, питающихся гулом переполненных проспектов. Тем не менее, по началу, не стану скрывать, оглядывая свое немудреное царство, я кляла гордыню, не позволяющую попросить очередного родительского прощения, а вместе с ним и денег для благополучного возвращения в мир достатка.

Конечно, послевкусие красивой жизни держалось на языке у памяти еще долго, но признаться семье в том, что моя философия о поиске личного пути — по-прежнему юношеский максимализм, а слова: «В зависимости всегда много злости, напряжения, вины, невыносимости!» — детский лепет, оказалось намного сложнее.

Сейчас, глядя на пачку белых чистых листов на столе, хочу впервые признаться: невзирая на происки судьбы, потрепавшей меня изрядно, я все же признательна ей хотя бы за то, что в водовороте бессмысленных жестокостей и вероломства всегда присутствовала теплота старых стен. Именно в них благодаря близким людям мне удалось обрести и удержать на время странное чувство, знакомое лишь усталому путнику, когда он, уже укутанный в

теплый плед, смотрит на языки огня в пылающем камине.

Иногда по утрам, поднявшись на крышу своего дома, я смотрю в лицо просыпающемуся городу, на прохожих, спешащих по своим делам, на водителей, усердно пытающихся припарковать свое авто в неполюженном месте, и вспоминаю фразу, сказанную мне однажды:

«Мир настолько плох, насколько и хорош. Все зависит только от того, как ты воспринимаешь его в тот или иной момент...»

Глава 3

Его звали Джудит.

Да-да! Джудит! Вы не ослышались, именно так, Джудит. Парень с женским именем — нелепость столь вздорная, что даже засмеяться не грех! Это после долгих лет, проведенных бок о бок, оно приобретет иное звучание, станет столь же привычным, как Виктор, Аркадий, Эрик, Роб, и даже намного роднее. Когда образ оказывается во сто крат глубже формы — абсурд исчезает. «Сильный человек больше своего изъяна»... Объяснение вроде бы удовлетворительное, да только тогда, при первой встрече, я, еще не осознав это, ошеломленно подумала: «Какая глупая кличка!»

Удивительно, но дикость родительской шутки никоим образом не задевала мужское самолюбие Джудит. Напротив, естественность, с которой мой друг носил глупейшее из имен, создавала вокруг кареглазого красавца особую ауру и лишь дополняла его невероятное обаяние и харизму. Остроумный шутник с искрометным взглядом своей энергией притягивал окружающих с первых же минут, становясь желанным в любой компании. Стоило Джу лишь прищуриться и скривиться шаловливо, собеседник сразу же оказывался во власти его чар, восхищенно думая: «Надо же! Какой потрясный кент!» Однако, несмотря на открытую лучезарную улыбку и компанейскую натуру, симпатяга обладал достаточно скрытным нравом и держался со всеми на еле уловимой, но все же — дистанции.

В нашем кругу, среди когорты персонажей, где каждый мог похвастаться оригинальностью поведения, Джудит, пожалуй, останется навсегда самой загадочной и противоречивой фигурой. О его детстве ничего не знали даже самые близкие друзья. По словам Джу, мать умерла, когда мальчику не исполнилось и тринадцати, об отце вообще разговор не заводился. Где провел он свое отрочество перед тем, как поступить в венскую консерваторию на факультет «Компьютерная музыка и электронные СМИ», чьи родственники

жили в Граце, куда отправлялся на выходные наш неотразимый сердцеед, мы толком представления не имели. Джудит не очень-то впускал в глубокие воды своего прошлого, тщательно дозируя информацию о себе.

Правда, однажды, уже живя с ним под одной крышей, я случайно наткнулась в старых коробках на фотографию юноши лет семнадцати, чья совершенно андрогинная внешность шокировала необычной красотой. Длинные черные волосы с отливом обрамляли узкое лицо с нежной, без малейшего изъяна кожей. Безупречный изгиб чуть подкрашенных бровей, ровный нос, чувственный рот, легкая улыбка — уголок верхней губы прячется в еле заметной складочке. Голова изящно наклонена, ресницы томно опущены.

И ни малейших признаков пола — не то девчонка, не то мальчик. Захочешь — не разберешь! Крылось в этой идеальной гармонии что-то от сакральной мечты о Сверхчеловеке. Поверить в ангельскую природу создания казалось проще простого, если бы не пронизывающий насквозь взгляд. Взрослый и вызывающий, он резко контрастировал с хрупкой выразительностью, придавая снимку оттенок странной противоестественности. Когда я сумела, наконец, отвести глаза от фотокарточки, то ощутила, как мой мир вывернулся наизнанку. Просто невозможно

описать отчаянную боль в груди и томление замороженного сердца. Так же, как и невозможно было в тот момент разогнать мутный ил, поднявшийся из глубин души!

Я встретила Джу совсем иным. В двадцать три черты его лица приобрели мужественность, а тело окрепло. Андрогинность не оставила после себя и следа, но красотой, заигравшей абсолютно новыми оттенками, по-прежнему хотелось захлебнуться! Одна только бесстыжая сочность вздернутой верхней губы притягивала неумолимо, и пить мечталось с этих губ до одури, до бреда.

Что еще могу вспомнить о нем?

Он брил грудь, обожал головные уборы, писал левой рукой, был слегка близорук, но очки надевал лишь в сумерках или в дополнение к одному из многочисленных ярких образов. Впрочем, весь его имидж строился на небрежном шарме и очаровании не то хулигана, не то кинозвезды — человека, которому есть дело до своей внешности, но он не возводит ее в культ. Фантастические комбинации элегантных рубаш с кожаными напульсниками или строгих брюк с «гангстерской» кепкой являлись элементами своеобразного флирта — причем не с окружающими, а с самим собой. При этом за Джу не наблюдалось излишнего себялюбия, скорее безразличие к оценке со стороны.

«Я слышу вас, но не воспринимаю всерьез».

Потому как:

«Если начать воспринимать мир серьезно, он убьет тебя».

Этому правилу парень следовал неуклонно. Играя в жизнь, он с упоением поддавался самым разрушительным порывам, приводившим его к абсолютно безумным и бесстыдным ситуациям. Однажды Джудит поведал мне историю циничной сделки, которую заключил с неким богатым мужичонкой еще на заре своих студенческих лет.

— Это было лет пять назад. Мы с приятелем попали на закрытую благотворительную вечеринку, кажется, по сбору средств на частный детский дом. Умора оказалась еще та. Приглашенные толстосумы в сжатые сроки, перед тем, как надраться до пороссячьего визга, пытались заняться благородным делом. Девушки из фонда помощи метались между столиками, как ужаленные, стараясь успеть до наступления полного пофигизма выжать из них побольше денег.

Итак! Вечер в разгаре, о сиротах давно позабыто. Мой друг отошел в туалет, а я, уже конкретно набравшись, да перед этим еще и нюхнув, упал за один из свободных столиков, чтобы отдохнуть и немного прийти в себя. Сижую дорогую минералку и вдруг улавливаю на себе липкий до омерзения взгляд кудрявого крепыша под полтинник в костюме от Тома Форда.

— Чего тебе, приятель? — спрашиваю у него наглым тоном. Если бы не кокс, точно бы на такое не решился.

— Отсосать, — еще более нагло отвечает тот, похотливо улыбаясь.

— Две шутки, — не моргнув, отвечаю, понимая, что не заплатит, жадный черт. — На благотворительные нужды, — добавляю серьезно, а самого просто распирает от смеха.

И тут он, громко заржав, подзывает девицу из фонда.

— Эй! Девушка, для бедных сироток от меня. Запишите!

Я обомлел, но слово есть слово, за язык никто не тянул. Так мне удалось внести свою скромную лепту в развитие детского приюта.

На лице Джудит ни капли стыда или сожаления. Просто холодная констатация фактов. Вот такой он беспринципный тип! Вот такое веселье!

Надо сказать, практически любые эскапады сходили безобразнику с рук. Стоило ему только куражливо хохотнуть — и парню прощалось все. А напрасно. Опытный манипулятор умело играл без правил! Уж если Джу желал кого-то обаять или проучить, «театр одного актера» приобретал черты поистине демонического лицедейства. В чуть хриплый голос умело вкрадывались нежные ноты.

Нечаянно упавшая на глаза челка подчеркивала маслянистый взгляд, который нет-нет да и прострелит тебя электрическим разрядом — от макушки до низа живота. Но как только власть установлена — холодная отстраненная безмятежность: «Что вы, я весь во внимании. Хотя, если честно, наш разговор ни о чем».

О, это было его любимое развлечение... Гипнотический маятник, качающийся между огнем и льдом, доводящий до умопомрачения. Вот он рядом, и вот его нет. А через мгновение снова эмоциональная атака, от которой у тебя жар в груди и бешено скачет пульс даже при легком прикосновении или еле уловимой ухмылке. Искусство соблазнения было у гаденыша в крови!

— Когда-нибудь я раздену голого! — воскликнул однажды Джудит, и все присутствующие засмеялись банальной шутке. Он тоже засмеялся, а я застыла ошеломленно. За бахвальством, пустой игрой слов мне почудился грядущий страшный поступок, после которого все изменится.

И с тех пор, что бы я ни делала — слушала ли по утрам усталый голос друга, наблюдала ли за искренне дурашливой возней с малышами на улице, за надутой по-детски нижней губой во время наших ссор, я молила небо подольше не позволять найти ему этого голого, которого он, не задумываясь,

разденет.

Состояние вечного праздника помогало Джу выжить, но именно балансирование на грани фола неумолимо толкало к последней черте.

Пыталась ли я отговорить Джудит от бега «в никуда»? Конечно, несчетное количество раз. А он лишь смеялся и все дальше увлекал меня в лабиринты своей жизни — яркой, неординарной, наполненной весельем и экстравагантностями. Но, несмотря на принятые мной правила игры, из-за которых пришлось переосмыслить множество ценностей, я оставалась обыкновенной девчонкой с простыми желаниями и чувствами. Устав гнаться за тенью своей иллюзии, однажды я изменила курс, считая свой поступок верным. Теперь, спустя годы, могу признаться без ужимок — истинность отношений не всегда определяется привычными стандартами. Жизнь неоднозначна и многообразна, в этом ее безумный, не заканчивающийся рок-н-ролл.

Кто-то сравнил любовь с фашизмом. Будто на самом деле мы не любим человека, находящегося рядом, а изменяем его до тех пор, пока он не станет тем, кого мы хотим полюбить. Нам с Джудит удалось пережить совершенно иное чувство. Не перекраивая друг друга, мы научились отражать и отражаться, почти превратились в единое целое. Не думаю, что такие отношения могли продолжаться

долго, да и что такое «долго». Мы БЫЛИ и ЧУВСТВОВАЛИ — это самое главное.

Глава 4

Квартира, где мы с Джудит снимали каждый по комнате, напоминала советскую коммуналку в престижном районе. Когда-то мой друг Серега Никифоров обитал в похожей на улице Пирогова, недалеко от старого ботанического сада. Дореволюционное здание, высокие потолки, чужие люди, ставшие по воле случая одной семьей с общими праздниками и ссорами. Что-то подобное получили и мы с Джу в придачу к арендованным метрам.

Наши апартаменты располагались в Оттакринге, шестнадцатом районе Вены. Несмотря на отсутствие в них фешенебельной новизны, выглядели они весьма достойно. Помимо четырех небольших комнат, там даже имелся отдельный от кухни гостиный зал, в котором прекрасно уживались кожаный диван с затертыми деревянными ручками, два кресла, журнальный столик на кованых ножках, фортепиано и письменный стол. Спальня с детской принадлежали хозяйке, Стефании Хайдер, немолодой даме, и ее двум внукам: Гретте и Рихарду.

Фрау Хайдер, экономист по образованию, уже

много лет работала вторым бухгалтером в частной компании, производящей магниты. Сотрудником она слыла отменным и первые годы рассчитывала на повышение, но частые отсутствия по болезни малышей свели ее карьеру к нулю, и мечта о служебном продвижении осталась в прошлом. Теперь, когда на горизонте замаячила пенсия, Стефи думала лишь об одном: как можно дольше продержаться на этом месте. Ведь, несмотря на сдачу квартиры внаем, денег все равно не хватало. Уж так устроены дети, им всегда что-то жизненно необходимо! А Стефания, хоть и старалась воспитывать внуков в строгости, никогда и ни в чем не могла им отказать.

— Этим ребятам досталась не лучшая судьба, — вздыхая, повторяла она всякий раз, когда предстояло расстаться со значительной суммой.

Подобные акты самоотверженности вызывали во мне восхищенное недоумение. Глядя на жизнь, полную лишений и женского одиночества, я задавалась вопросом: есть ли смысл в безграничном самопожертвовании во имя другого, пусть даже самого любимого существа, если это ведет к собственной деградации? Можно ли ценой ущемления личной свободы, при котором достижение целей и развитие сводится к нулю, быть истинно счастливым, не растворяясь в ком-то другом, без примеси ответственности и долга?!

Готова была поспорить на все, что угодно, — нет. Но пример австрийской женщины доказывал обратное. И, если честно, меня это наталкивало лишь на грустные мысли. Ведь порой, поддавливая нашу Золушку за тайной примеркой старых «мини», я понимала: кроме воспоминаний, у нее ничего больше не осталось.

Вот она восторженной юной девчонкой легко и непринужденно кружится возле зеркала на цыпочках, а вот уже ее рука торопливо прячет вещи в шкаф. Госпожа Самоотдача устыдилась мимолетной слабости! и снова пропахшие нафгалином одежды засыпали летаргическим сном в деревянном саркофаге, становясь наживкой для моли. Вредоносная бабочка, вылетая из шляп и шубы, безжалостно уносила на серых крыльях молодые годы, дерзкие мечты, давно поблекшую жажду к приключениям.

Подсматривая за метаморфозами, происходящими с хозяйкой, я злилась. Черт! Как жаль, что теперь ей не до нарядов! Ведь когда-то в них танцевали, смеялись, целовались в укромных местечках, влюблялись и влюбляли. Разве можно о таком забыть?! Хотя, если захотеть, забыть можно все. Помнить — намного тяжелее...

Надо отметить, Стефания, несмотря на возраст, сохраняла не только гардеРоб семидесятых, но и красоту минувших дней. Судя по

фотографиям молодости, на которых красовалась высокая стройная студентка с глазами цвета полевых васильков, пленила она не один десяток мужчин. Почему именно Питер Хайдер, преподаватель литературы — по рассказам, совершенно невзрачный простак, — смог покорить неприступное сердце, для меня так и осталось загадкой! Уж и не знаю, к каким запретным приемам прибег он, но всего через несколько месяцев ухаживаний Стефи приняла его предложение руки и сердца. Влюбленный мужчина ликовал — вот оно, счастье! Аминь! Не тут-то было. Их браку не судилось продлиться долго. Новоиспеченный муж внезапно заболел воспалением легких и скоропостижно скончался от горячки, перед смертью, правда, успев прошептать: «Все же я жил не зря!» Уходя, Питер кротко улыбался, до рождения их дочери оставалось чуть меньше месяца! Пусть ей никогда не увидит отца, зато она будет носить имя Кэтрин, выбранное им... После похорон Стефания стала лишь чуть печальней, но не утратила силы духа. Героически выдерживая все лишения, не склонная роптать, молодая женщина шла по жизни с высоко поднятой головой. От родителей в наследство ей досталась квартира, а от мужа — небольшие сбережения.

— Ничего, как-нибудь справлюсь, лишь бы Кэтрин нашла свое счастье, — решила она.

Разумеется, девочку мать воспитывала в совершенной строгости и целомудрии, стараясь привить ей лучшие из человеческих качеств. Малышка росла очень милой и послушной, что, правда, не помешало ей принести в подоле двух хорошеньких карапузов, одного за другим — девочку и мальчика. А затем исчезнуть за океаном с очередным любовником. Бывают же такие кукушки! Два раза в год из Нью-Джерси приходят переводы со слезливыми словами вроде: «Даже и не прошу меня простить». Смех да и только! Кому нужны твои бабки, сука бессердечная!

И снова, не сетуя на судьбу, Стефания взяла опеку над внуками, а также над лишайным котенком, приблудившимся к ее дому однажды летом, после дождя.

Порой, в моменты ностальгических переживаний, Стефи подолгу смотрит на себя в зеркало и украдкой вздыхает. А иногда сентиментально вспоминает Сташека — польского инженера, приезжавшего пару раз по обмену опытом в их контору...

Кто-то скажет: нелепо прожитая жизнь, одна большая «пустошь». Может быть — я не берусь судить. Но вот удивительная вещь — в молодости мы с высокомерным превосходством взираем на старшее поколение, самоуверенно полагая, что ошибки, сделанные ими, — признак слабости

характера или косности ума. Но приходит время, и, осознав необратимость собственного пути, мы сами начинаем глядеть с благоговейным восторгом на новую кровь, идущую следом за нами, чувствуя жгучую необходимость в общении с ней. Думаю, каждый в определенный момент «невозврата» становится *пустошью*, когда заканчиваются варианты и остается единственная дорога.

О том времени можно рассказать много и хорошего, и плохого. Мы с соседями и надоедали друг другу, и ругались, и злились. Но чаще пили вместе чай по вечерам, лакомились кулинарными шедеврами нашей Мэри Поппинс, а потом играли в бридж или в Монополию. До сих пор перед глазами мелькают картины прошлого. Они настолько сильны и яркие, что их не смогла обезличить память, не сумело стереть время. Вот облепленный детишками, беззаботный и веселый Джудит запускает в парке воздушного змея. Вот я тискаю кота, и мы вместе мурлычем от удовольствия. Коту определенно нравится наша компания, поэтому он доверчиво растопыривает лапы и слегка покусывает меня за пальцы. Вот юная Гретта сплетает веночек из ромашек и украшает им голову Джу, а я испытываю легкую ревность. Вот Стефания, всегда строга и сурова, но неугомонный рихард сумел ее растормошить, и она хохочет и бьет себя руками по бедрам, а мой друг лукаво улыбается — мол, то ли

еще будет.

Пролистывая мысленно страницы наших с Джудит отношений, я никак не могу вспомнить, в какой же момент он полностью завладел моей жизнью...

Кажется, управлять бегом судьбы так просто! Но иногда она возьмет да и подбросит парадоксальный сюжет, переместив обыкновенную девчонку с танцполов дискотек в тематический клуб, где не существует другой любви, кроме однополрой. Удивительно, но в период, когда все эти метаморфозы происходили со мной, я свято верила в безграничность собственного счастья!

Наверное, правильное было бы повести рассказ в хронологическом порядке, начав его с детских лет и юности девчонки, родившейся в самом красивом уголке Крыма — приморской Алуште, а после переехавшей вместе с родителями в украинскую столицу. Стоило бы упомянуть о младшем брате Даниле, с которым мы всегда понимали друг друга без слов, о матери — красавице, нежной и доброй, отце — настоящем человеке дела. Уместно также было бы объяснить, какую роль сыграла в моей жизни австрийская аристократка с глазами снежного зимнего неба — Элизабет, по кличке Сиси, рассказать о моем долге и тяжелом романе с ее кузеном Робертом. Но я рискну представить свою историю с середины,

заранее пожертвовав легкостью романа. Повествование начнется двумя годами позднее моего триумфального приезда в Вену. Останутся позади тесная дружба с подругой, безумные вечеринки, тяжесть расставания с любимым мужчиной, утерянное родительское доверие и многое другое. Я пойду по дороге жизни за Джудит. Слишком близко, чтобы это не оставило следа.

Часть II. День кукушки

Глава 1

Деревянная кукушка, звонко прокричав двенадцать раз, спряталась внутри часов до следующего своего фирменного выхода. Этот раритет, изготовленный в старину немецким мастером из города Вальдау, остался в комнате только из уважения к Стефании. Весь остальной хозяйский интерьер был заменен стильной, сделанной под старину мебелью, превратившей «незамысловатые стены» в будуар XVIII века.

— Удивительно, как мне удалось привыкнуть к ее постоянному кукованию?! — подумала я с легкой иронией, продолжая с любовью осматривать свои владения.

Большому велюровому креслу с инкрустацией

в стиле ампира было отведено самое почетное место — в центре моих «хором», напротив окна. Мы с Джудит купили его в антикварке на Кальмаркт полгода назад за баснословные деньги и не прогадали. Позднее, когда я буду распродавать свои вещи, мне предложат за него двойную цену. На этом мягком троне я и восседала в тот день, подобно королеве.

Обычно, когда мы собирались у меня, Джу притаскивал стул из холла или разваливался на кровати, но сегодня он уселся на ковре возле моих ног, такой близкий, такой родной. Просматривая иллюстрации книги «Истории театрального костюма», он совершенно забыл о моем существовании. Ничего, пусть летает! Все равно не выдержит и первым начнет разговор. В тайной надежде я продолжаю молча накручивать мягкие мужские волосы на свой палец.

За окном в голубую лазурь вплетались белые молочные облака. На крыше соседского дома наслаждался одиночеством бело-рыжий кот. Лежа на спине, положив лапу на лапу, он довольно шевелил усами. Мне показалось, в этот момент мы с ним были очень похожи — оба, разомлев, жмурились от удовольствия.

«Мой милый мотылек. Ты со мной, и это главное», — подумала я с нежностью, глядя на друга. Словно услышав мои мысли, тот на

мгновение поднял голову и, рассеянно улыбнувшись, пощекотал меня под коленом.

На Джудит элегантная белая рубаша в еле заметную голубую полоску. Манжеты на рукавах расстегнуты, на левом запястье часы Ulysse Nardine — подарок богатого любовника. Его внешность меня по-прежнему волнует. Что поделать, за эти годы я так и не научилась без трепета относиться к этой красоте. Странно, до сих пор не могу понять, как судьба слепила из нас одно единое целое — чудное, бессмысленное и все же единое целое!

На какое-то время все снова замирает, и я, заложив руки за голову, погружаюсь в воспоминания...

...Тогда, в мое первое венское лето, жара стояла невероятная. Все открытые террасы ресторанов и кафе пустовали днем, а экскурсионные автобусы курсировали полупустыми. Люди прятались в охлажденных помещениях, стараясь не высовываться на улицу. Мы с подружкой были не исключением. Огромная квартира Сиси, в гостях у которой я пропадала в ту пору сутками, представляла собой пространство вечной тусовки, где проходящая толпа даже не удосуживалась запомнить имена друг друга. Особенно тесно становилось по пятницам. В преддверии выходных жаждущий развлечения пипл стекался в этот дом со всех уголков мегаполиса.

Вот и в ту пятницу, несмотря на работающий кондиционер, в комнате, битком набитой народом, нечем было дышать. Я вышла на балкон в надежде отвоевать лишнее дуновение ветра. Заходящее солнце искусно красило здания в молочно-розовый цвет, играя полутонами, лениво сползало по горячим крышам в окна. Пыльная листва чуть слышно шелестела на деревьях, а одуревшим от жары птицам петь казалось и вовсе лень.

Побыть в одиночестве не получилось. На большом шезлонге-качелях сидел раздетый до пояса юноша безупречной красоты, с наушниками в ушах.

— Привет, — поздоровалась я.

— Привет. — Он посмотрел на меня долгим взглядом и, заметив мое смущение, улыбнулся. — Хочешь в тень?

Я кивнула в ответ и робко присела на край шезлонга.

— Почему ты так напряжена? — спросил незнакомец простодушно. — Тебя смущает мой голый торс? Сейчас оденусь. Подай рубаху.

— Перестань, я что тебе, курсистка? — попыталась отшутиться в ответ, но рубаху все же подала. — Держи!

Моя рука случайно коснулась его бархатистой упругой кожи. Даже и не думала, что умею краснеть, как уголь в топке паровоза, от чего совсем

растерялась.

— Не стоит стесняться своего волнения. Физиология сильнее разума, — спокойно произнес парень, застегивая пуговицы. — Кстати, меня зовут Джудит, и я гей, — добавил он, откидываясь на спинку шезлонга.

Озноб, пробежавший по телу, вызвал презрительный смешок.

— Ты ждал другой реакции?! — спросила, задетая его изучающим взглядом.

— Такая в самый раз, — засмеялся Джу снова. — Лучше искренняя дрожь, чем елейная ложь.

Красиво сказал подлец!

Пришлось улыбнуться в ответ, хотя уже и не очень хотелось.

— Что там? — Кивнула я в сторону iPod, желая сменить тему.

— Ориетта Берти.

Я на миг задумалась, пытаюсь отыскать в памяти незнакомое имя. Безуспешно!

— Не напрягайся, ее мало кто сейчас знает. Это итальянская певица шестидесятых. Хочешь послушать? — Он протянул мне один наушник.

Голос с невероятной тембральной окраской, яркий и знойный, как сама бурлящая жизнью италия, ворвался в мой разморенный жарой мозг.

— Невероятная, правда?! — Воодушевился

мой новый знакомый. — романтическая,
темпераментная, веселая и драматическая
одновременно. Настоящая богиня музыки!

Он стал тихо шептать слова из песни:

Я, ты и розы,
Я, ты и море,
Только когда ты дышишь рядом со мной,
Я понимаю, что живу.

А потом вдруг, не отводя от меня глаз,
Джудит запел на итальянском, да так чувственно,
что я обмерла, замороженная его голосом. А он все
смотрел на меня и пел, прищелкивая пальцами в
такт, плавно покачиваясь из стороны в сторону,
подобно кобре перед броском.

Думаю, чудовищная опасность змей не в
молниеносности нападения, не в силе яда, а именно
в таком же гипнотическом танце. Опьяняющий миг
бессознательного повиновения сужает мир жертвы
до жгучего желания смерти в объятиях своего
палача. В тот предвечерний час я потеряла себя.
Мне бы заговорить, попытаться словами
защититься от стихийного бедствия с дурацким
именем, но шепот, придыхание, шум
пульсирующей крови, подрагивание влажных
ресниц... разве от этого скроешься?

Моя натура никогда не отличалась

стыдливостью. Я не страдала из-за отсутствия мужского внимания и уж точно всегда оставалась холодна к тем, кому была безразлична. Но красота черноволосого демона не оставила в моем сердце камня на камне. Стоило лишь вспомнить банальные вещи: он протягивает мне наушник, откидывается на спинку шезлонга, щелкает пальцами в такт музыке — и кожа вспыхивала. Его загорелое тело было настолько упругим и мускулистым, что мне до боли хотелось провести по нему кончиками пальцев. А еще лучше — языком. Медленно-медленно — так, чтобы почувствовать каждую выпуклость или изгиб. Чем яростнее я старалась забыть паршивца, тем сильнее влюблялась в него. Попробуй объяснить одурманенному сердцу, что любовь бывает невозможной! Оно готово обманываться бесчисленное количество раз, мчаться на дикой скорости без тормозов — прочь от сомнения и здравого смысла.

На следующее утро после знакомства я, набравшись смелости, зафрендилась Джуду на Фейсбуке. Кто сказал, что гомосексуализм — это диагноз? Мало ли на свете семейных пар, где ориентация мужчин вызывает большое сомнение! Тем не менее, живут они долго и счастливо, рождая детей, а после внуков. Несмотря на раннее утро, Джудит сразу принял мой запрос. Что же ему написать особенного?

Мысли, мысли... Сколько времени мы потратим впустую. Мне кажется, природа наградила людей умом в наказание. Влюбленные, мой вам совет: не думайте долго над первой репликой, с которой хотелось бы начать отношения. Чем дольше вы вымучиваете ее, тем неестественнее она выходит.

«Привет... Тебе нравится вводить в оторопь?»

Напряженное ожидание у пестрящего символами экрана. Хорошо, что за задиристыми словами можно скрыть робость, всегда появляющуюся не к месту. Бытует теория, что излишняя стеснительность возникает от недостатка сексуального опыта. Полная чепуха! Лично я хоть и не относилась себя к разряду бесстыжих блудниц, ведущих зачетную тетрадь по мужской анатомии, но назваться скромницей язык бы тоже не повернулся. Откуда же тогда нелепый тремор пальцев? Пожалуй, свяжу его с нехваткой серотонина в мозгу или с генетикой. Хотя философское объяснение: «стеснение как следствие возведения какой-либо ценности в разряд бесконечности» с Джу выглядело бы более уместным. Несхожесть этого парня со всеми теми шумно дышащими счастливыми, получившими доступ к моему телу, стала невидимой зацепкой на долгие годы. Я не знала, как подступиться к нему, и оттого отчаянно робела.

Ответ Джудит привел в замешательство.

— Хай. Предпочитаю рассказывать о себе сам, дабы не упустить возможность посмеяться. Но ты — это нечто! Совершенно недопустимое количество эмоций на лице за полминуты! Poker — не твоя игра... Нахохотался...

— Наверное, стоит после этих слов удалить тебя из друзей.

— Брось. Мы оба знаем, что ты не сделаешь этого. Я тебе слишком интересен.

Жар в груди, кровь ударила в голову.

— Не наглей! Самоуверенность — это моветон. — Мне пришлось перейти в атаку.

— Это не самоуверенность, а жизненный опыт. Мои страницы в соцсетях девицы штурмуют постоянно.

Самодовольство хлестнуло сильнее пощечины.

— Рада твоей популярности. Однако не люблю стоять в очереди. Чао!

— Эй! Не обижайся — я просто дразнюсь. Готов искупить свою вину в ближайшее удобное для тебя время. Может, пообедаем? Стою перед тобой, коленопреклоненный:»».

— Стоять на коленях — удел рабов, — поддела его я, сама изнывая от жажды скорее утонуть в темно-карей бездне.

— Умница!

— Не нуждаюсь в одобрении!

— В смятении?

— Ничуть не бывало!

— Хорошо. Заеду в три. Кстати, езжу очень быстро.

— Обожаю скорость, Джудит.

— Для своих я просто Джу.

Господи, какие же, в сущности, люди идиоты! Сами себе расставляют сети, а когда попадают в них, винят во всем чудовищное провидение. Где были мои мозги в тот момент? В пылающем междуножье, в одурманенном эндорфинами сознании, в щемящем и волнующем предвкушении новой встречи с примесью сладкой тревоги, томления, смуты? Впрочем, это неважно... Сколько бы лет ни прошло, мне никогда не забыть нашего первого свидания.

Глава 2

В десять минут третьего я вынесла себя из подъезда, глянцевою и безупречную, как пирожное из дорогого кафе. Он уже ждал, непринужденно облокотившись на белый мотоцикл. Рваные джинсы Dsquared, белая футболка в обтяжку, золотистые очки-авиаторы. Хоть рекламный ролик снимай! Решил меня добить? Ладно, еще посмотрим, кто кого!

— Извини, забыл предупредить, что не на

лимузине. Если хочешь переодеться, подожду. — Джудит ехидно скосился на мои шпильки.

Я, не задумываясь, подтянула юбку повыше и уселась на заднее сидение — азарт всегда брал верх над девичьими условностями.

— Чего ждем?! Поехали!

— Ты просто чокнутая мартышка! Нас арестуют за безнравственное поведение, — весело захохотал он. — Ладно. Надень шлем и держись крепче.

Да, я такая! Чокнутая, шальная, сумасшедшая. Страстная, жгучая, нежная. Я целая вселенная с мириадами вечных звезд. Ты скоро поймешь, какой нашел клад, поймешь — и не захочешь отпустить.

Будешь целовать мой живот, стоя на коленях, просить, чтобы стала твоим теплым покрывалом в холода, освежающей тенью в зной, одурманивающим зельем, журавлем в небе и синицей в руке одновременно. Только помоги мне догнать сорвавшееся с катушек сердце...

Мы помчались по раскалившимся от жары венским проспектам. Город млел от солнца, вальяжно погружаясь в полуденный свет. Сверкая белокаменными боками, мимо нас проносились Бургтеатр с возвышающейся статуей Аполлона, Венский университет, Дворец Кинских...

— Куда мы едем? — закричала я, но ветер развеял мой вопрос.

Впрочем, какая разница! Сладко зажмурившись, я прижалась к Джу всем телом, при этом стараясь не дрожать от дразнящего, до полубоморока, запаха мужской туалетной воды. Но всякий раз, когда при торможении его упругие ягодицы врезались в мякоть моего лобка, безумие набухало в паху, готовясь разорваться в любую секунду.

«Джудит! Каждой пылающей клеткой я незримо ощущаю, как кончиком языка ты заскользишь по ложбинке моей шеи. А я, прижавшись щекой к твоему загорелому плечу, опуская ладони все ниже и ниже, нащупаю рукой то, что прячется в джинсовом плену. Уверена, такой миг непременно настанет, пусть даже придется пустить в ход все женские чары, применить запретные приемы. Я на это готова! и все же, куда мы едем?»

Миновав мясной рынок на Фляшмаркт, Джу свернул в сторону Донау-канала. Мотоцикл вырулил на Шведенплац, недалеко заблестела обсерватория дворца Урания. Еще пару минут — и плавучее царство кулинарного искусства — «Бадешиф», мой любимый ресторан на воде с великолепной кухней — оказался по левую руку от нас.

— Надо же, какой сюрприз! Обожаю это место.

— Правда? В следующий раз отвезу тебя в клуб «Марина Вена». Была там?

В следующий раз?! Еле перевела дыхание!

— Да, — постаралась ответить равнодушно.

— Чем ты занимаешься?

Уже сидя в заведении, я набросилась на Джудит с расспросами. Мне не терпелось узнать о нем все.

— Я диджей. Днем на радио, вечером в клубах. Заканчиваю Венскую консерваторию. А ты?

— Пока еще не определилась после универа. Скорее всего, пойду в корпоративные финансы, но журналистика мне нравится больше. Если честно, я понемногу пишу. В идеале стала бы романистом, но родители не одобряют, однозначно. Кстати, ты живешь один или с предками?

— С другом.

Неожиданные слова снова смутили меня.

— Я сказал с другом, — засмеялся парень, заметив мои ошалелые глаза, — слово «дружба» для всех нормальных людей звучит одинаково.

«Слово норма для всех имеет разное значение», — подумала я, но все же облегченно вздохнула. Знать о его любовниках уж точно ничего не хотелось.

— Кстати, ты должна его знать. Роберт, двоюродный брат Сиси, — Джудит вопросительно посмотрел на меня.

— Нет. Пока встречаться не приходилось.

— Странно... Обязательно вас познакомлю, как только он вернется из Германии. Роб — удивительный тип. В него влюбляются все девчонки.

— Спасибо, — поблагодарила я, тут же вернувшись к своей теме. — А как твоя родня реагирует на. они вообще знают о твоей ориентации?

— Ну ты неугомонная! Составь список вопросов, я на него отпишусь. А теперь давай ешь. Все остынет.

— Прости. Обычно я более тактична. — Зарделась в ответ, чувствуя, как сильно напираяю.

— Все нормально. Просто за один час всю жизнь не расскажешь. Кстати, родители мои умерли очень давно. Соболезнований не нужно, я уже это пережил.

После обеда мы прогулялись. Когда будущее слепит из нас одно целое, ежедневный недолгий променад станет правилом. Но в тот день мне еще не дано было зайти за кулисы. Я просто старалась поменьше болтать, боролась со страхом выглядеть глупо. Сколь многое зависит от первой встречи! Многое и. ничего.

Помню звонок Элизабет и ее удивленный голос: «Вы с Джудит?! А ты знаешь, что он. Хорошо, что сказал. Тогда все о'кей. Ему привет.

Приезжайте скорее, будем пить вино, а потом в клуб, я уже забронировала столик».

Так началась история улитки, оставляющей свой длинный одинокий след на асфальте. Пусть шумят мегаполисы, царствует хаос, а она знай себе ползет по одному лишь ей ведомому пути. Мой маленький пилигрим из ракушки, милая сестра, заклинаю тебя богами моллюсков: не утратить с годами очаровательную способность двигаться вперед всем невздам вопреки.

Глава 3

Клубы, кинотеатры, развлекательные центры, магазины, рандеву. Разве у меня было время подумать о карьере?

— Ничего, работа — не волк, в лес не убежит! — отшучивалась я каждый день, откладывая собеседования одно за другим.

Но звонки отца не давали покоя.

— Свята! Дядя Макс ждет твоего появления уже две недели. Погуляла и хватит. Пора браться за ум.

Мобилка, выскользнув из рук, упала микрофоном на ковер, сделав родительский баритон совершенно неузнаваемым. Только что покрашенные ногти призывали: «Не смей касаться ворсинок!» Блин! Опять перекрывать!

— Па, обещаю — завтра точно поеду к нему.
Сбрось еще раз его телефон эсэмэской.

— Ты что, издеваешься? — возмутился отец. — Я тебе его уже два раза пересылал!

— Ок. Сейчас, поищу, — вздохнула нехотя.

— Дочь! Ты рискуешь нарваться на мой гнев.

Голос стал металлический.

В тот период родители еще верили в мое блестящее будущее и неумолимо инвестировали в него. А посему, сразу по приезду в Вену, на паркинге возле моего дома засеребрился новенький спортивный Мерседес Бенц с белым кожаным салоном. На нем я с гордостью подкатывала к любому шикарному заведению, чувствуя, как завистливые взгляды буравят мою спину. Глянцевая жизнь, будто сошедшая со страниц модных журналов — тающая в брызгах фонтанов, беснующаяся от своей блудливой пресыщенности, — была так хороша! Еще не хватало потерять все это из-за своего глупого упрямства! В конце концов, Максим Константинов — старый друг семьи. Заеду к нему, пообедаем вместе, поплачусь ему в жилетку, авось пронесет еще на месяц.

— Уже набираю, папочка.

Дядя Макс действительно все понял — он сам всю жизнь исповедовал принцип «гуляй, пока молодой». Большого ловеласа в родительском

окружении сыскать было сложно. В свои сорок семь, оставив позади два брака, он выглядел умопомрачительно. И я бы снова, как в детстве, влюбилась в этого сексуального денди, если бы только сердце не пылало иным огнем.

— Какой я тебе дядя! — усмехнулся он, разливая виски в бокалы со льдом. — Ну, чего тебе от меня надо? — спросил, погодя, отпивая со вкусом.

— Хотя бы месяц отсрочки. — Я игриво повела плечами.

— Не строй мне глазки. Твой отец мне яйца оторвет.

— А мы ничего не скажем. Я ведь могу пока стажироваться у вас в корпорации.

— Уже все продумала?

Хитрец недовольно вздохнул, делая вид, что по-отцовски озабочен. Но скользкий по мне взгляд искрился уж точно не родительским интересом.

— Хорошо. Месяц беру на себя. Дальше сама выкручивайся. И жду в субботу на ужин.

— Спасибо, дорогой дядечка Макс! — Я радостно бросилась ему на шею.

— За дядечку ответишь. Все, беги, гулена. — Подмигнул он, мягко шлепнув ладонью по попе.

— Однозначно! — Залилась я смехом.

Отъезжая от пятиэтажного особняка в центре

Вены, я с приятным зудом в душе подумала:

— Смотрел-то он на меня с удивлением! Да, вот такая я выросла, Максим Владиславович, кот-потаскун! Помню-помню, как девять лет назад обливала подушки солеными слезами, шепча по ночам твое имя.

У того дня был особый задиристо-эротический флер. То ли однозначные взгляды искушенного жизнью мужчины подарили ощущение вседозволенности, то ли частые встречи с Джу позволили надеяться на что-то большее. Как бы там ни было, направляясь вечером с друзьями в клуб, я, разодетая, точно кинозвезда, пребывала в полной решимости прожить на всю катушку предстоящую ночь в царстве гедонизма. Мое по-хорошему взвинченное состояние веселило и подстегивало к флирту. Горящими глазами я смотрела на окружающих, и они отвечали мне тем же...

«Пратердом» — одно из самых грандиозных заведений Вены. На двух этажах с четырьмя танцполами без устали отрывался подогретый стимуляторами народ. Взмывающие руки, подскакивающие груди, игра мускулов, загорелые и влажные от пота тела. Такие красивые, утонченные, модные, мы чувствовали себя членами тайного ордена, доступ в который открыт лишь избранным. Лазеры прорезали темноту, вырывая из

пульсирующей толпы то одного, то другого заядлого кляббера. Все эти сладкие мальчики и полуобнаженные красотки,двигающиеся в едином ритме, так забавно и эротично заводили зал, что усидеть на месте было сложно. Танцуя внутри волнообразной зажигательной массы, я и сама светилась подобно новогодней елке. От меня исходил такой мощный заряд раскрепощенной уверенности и игривого самолюбования, что восторженные взгляды летели вслед, пробуждая сладкое бешенство. Периодически, посматривая в сторону входа, я с нетерпением ждала, когда же желанный силуэт зачернеет в дверях.

Рядом со мной пару треков подряд отплясывал харизматичный, но в хлам укуренный красавчик Феликс. Направляя движения моих бедер крепкими руками, он широко улыбался.

— Чтоб тебя, — выругался он, зацепившись за чье-то розовое боа, но тут же прыснул радостным смехом и крепче прижал меня к себе.

Джудит появился спустя час. Беззаботно помахав мне, он прошел к столикам, где сидела «не танцующая» часть нашей команды. Эх Джу, счастливый ты человечиче! Беспощадный мир вокруг строит козни, поддавливает в сети, запутывает и соблазняет. Каждый день этой непримиримой борьбы стоит людям килограммов разочарования. А у тебя все просто: кивок,

очаровательная улыбка, разворот на сто градусов. И никаких проблем! Еще бы, боги выше людской возни! Это мы, смертные, влюбляемся, сгораем от желания, дрожим в напряженном ожидании встречи. А вы несете свою гордую статью, как кинжалы, поражающие нас.

Выждав несколько минут, я вернулась за стол. Парочка знакомых насели на Джу:

— Кончай ломаться! Давай хапанем!

Тот отмалчивался, улыбаясь.

— Чего они к тебе пристали? — спрашиваю, небрежно положив руку на его плечо...

— Хотят доказать, что человек, говорящий «Я не в теме, потому что просто не хочу» — «по-любому» мурло или уж слишком крут! — Смеется он, глядя в лицо приятелям.

Как же нравился мне этот тихий гортанный смех, до дрожи, до спазма в горле!

— Пошли потанцуем, — предлагаю игриво.

— У меня сегодня слегка иное настроение. Позови кого-то другого, о'кей?

По вежливо-безразличному тону стало ясно: мыслями Джудит далеко.

Если у чувств возможен фальстарт, это был именно такой момент. Находящееся на невероятном подъеме настроение скатилось в бездну разочарования. Закусив губу, я молча присела рядом, все же не оставляя надежды на

осуществление своей мечты. И только ко мне вернулось присутствие духа, как лицо друга преобразилось странной мечтательной улыбкой. Перехватив взгляд Джу, я заметила стройного блондина, стоявшего возле барной стойки с коктейлем в руке. Его приветственный жест стал отправной точкой для дальнейших событий.

— Извини, отойду, — сказал Джудит, не пытаясь скрыть азарт.

Мне оставалось лишь молча кивнуть.

Следующие полчаса, методично напиваясь, я с жадным интересом наблюдала за их оживленным разговором. Ко мне подседа Сиси.

— Что ты творишь? — спросила она, проследив за моим помутневшим взглядом.

— Ты о чем? — Прищурилась я.

— Ладно, как знаешь. — Подруга пожала плечами.

Униженная собственным пылающим гневом и ревностью, я бросилась на танцпол. «Ну, сейчас я тебе покажу, сволочь бесчувственная!» И вот уже руки Феликса у меня под майкой, а его губы скользят по шее. Тут же кивком он приглашает меня выйти. Ну что ж, пойдём... Голова кружится, спотыкаюсь, в груди болит и ноет. В темных углах длинного коридора снуют парочки. Мы падаем на диван в ближайшей нише. Лицо Феликса маячит прямо надо мной, я ощущаю, как его сильные икры

подрагивают от возбуждения. Так странно и так противно чувствовать себя настолько заведенной в объятиях парня, в чьи глаза завтра постесняюсь посмотреть. Ну и черт с ним! Мало ли в жизни я творила гадких вещей? С этой мыслью мои губы остервенело впились в его полуоткрытый рот.

— Свята, поехали, я отвезу тебя домой.

Вдруг слышу голос сверху и вздрагиваю от неожиданности.

— Отвали, о ней есть кому позаботиться, — хрипло отзывается Феликс.

Джудит не обращая внимания на угрозу в его голосе, протягивает мне руку:

— Давай ключи.

— Извини, мне действительно лучше поехать домой. — Выпутьываюсь из объятий, поправляя одежду.

Мучительно стыдно.

— Я сам могу отвезти тебя, — не унимается тот.

— Спасибо, но все же поеду с ним.

Вдвоем с Джу мы выходим из полумрака в сторону пробивающегося света.

— Эй, гомик, ты не боишься как-нибудь оказаться не в том месте и не с теми людьми? — бросает Феликс вслед.

Мой друг даже не удостоил обидчика ответом.

Сев за руль, Джу резко срывает мой мерс с

места. Автомобиль мгновенно разгоняется, чувствуя руку профессионала. От алкоголя голова тяжелая, но на душе легко. Надо же, как все обернулось!

На мобильнике трещит СМС.

— Что, никак не уймется? — подкалывает меня Джу.

Я вспыхиваю.

— Даже и не думала, что у тебя хватает времени следить за мной. У того голубоглазого ковбоя такой очаровательный взгляд.

Джу пожимает плечами:

— У каждого есть личное пространство.

— Что ж ты тогда в мое залез? — огрызаюсь, деланно зевая в ответ.

Положить бы ему сейчас голову на плечо!

— Друзей надо ограждать от ошибок. — Он мягко сжимает мою руку, не отвлекаясь от дороги.

Мы добрались до дома в тот самый момент, когда первые розоватые отсветы солнца выскользнули из-за горизонта. Джу припарковался, завел меня в квартиру.

— Ну что, красавица, спокойных снов! — Наклонившись, он непринужденно поцеловал меня в щеку.

Легкое касание в темноте коридора прорвало последний рубеж.

— Не уходи, — прошептала я ему на ухо, и

руки нежно обвили мужскую шею. Джудит замер на мгновение. Мои губы, не выдержав, заскользили по контуру его рта.

— Перестань. — Он мягко отстранился, осторожно разжав мои объятия.

— Почему?! — воскликнула я в изнеможении. — Тебя ведь тянет ко мне! Зачем ты сдерживаешь себя?

— Свята, ты прекрасно знаешь, кто я. — Напряженный взгляд буравил мое лицо. — Этого не изменить.

— Все можно изменить, если захотеть!

— Послушай, ты красивая, чувственная, и все в тебе, как надо. Но пойми: для меня это не имеет значения, моя симпатия далека от сексуального чувства. Извини... — произнес Джудит, и мир остановился.

Я ошалело заглянула в карюю бездну. Ни капли кокетства или желания подразнить. Мой провал был ошеломляющим! Стыд и ярость сжали горло.

— Ты разочарована? Прости.

— Разочарована?! Три недели ты пудрил мне мозги, а теперь участливо спрашиваешь, разочарована ли я?! Нет! Я в бешенстве! — выпалила со злостью, влетая в гостиную.

Чертов придурок! Меня начало лихорадить. Как мучительно, оказывается, терять иллюзию

близости.

— Тебе будет легче считать меня подлецом? Пожалуйста. Однако все мои поступки были искренними. Ты стала близким мне человеком. К сожалению, это не изменит того факта, что женщины не вызывают у меня сексуального желания. Твое увлечение мной пройдет, а дружба останется. Поверь мне!

— Мне не нужна твоя дружба, — заорала я вне себя от ярости, — я хочу другого!

— Хочешь, чтобы я переспал с тобой из жалости? — Слегка прищурился Джудит.

В груди словно разорвалась бомба, начиненная гвоздями. В ужасе подумав: «Если бы слова могли превращаться в пули, я сейчас уже истекла бы кровью», в слух произнесла, едва сдерживая слезы:

— Думаешь, меня унизит такая мотивация?!

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — бесцветно протянул Джу.

Он развернул меня и обнял сзади, прижав руки в локтях, чтобы я не могла пошевелинуться. Пальцы, мягко массируя мои плечи, стали уверенно продвигаться к шее, забираясь под волосы. Без сомнения: даже понимая, на какое унижение иду, я готова была бросить к его ногам свои честь и достоинство. Можете высокомерно насмехаться надо мной. Но тот, кто однажды ощущал сладкую

боль в ладонях от впившихся в них собственных ногтей, чьи скулы сводила экстагическая судорога, поймет меня.

И вдруг все тот же шепот змеи. Мне даже показалось, что шуршание ее языка щекочет мочку уха.

— Я никогда не имел сестры, да и матери, в общем-то, тоже. В тебе есть нечто схожее с детской мечтой о них. Мы можем сейчас переступить грань и навсегда потерять друг друга, а можем попытаться стать друг для друга кем-то большим. Выбирать тебе...

— Уходи... — раздавлено прошептала я. — Уходи, пока не передумала.

В ту ночь меня мучительно рвало — то ли от алкогольного отравления, то ли от желания тела выбросить вон чувства, ставшие наваждением.

Уже намного позже, когда улеглась боль и я, несмотря на сильную влюбленность, научилась без дрожи в коленях поднимать на Него глаза, мы стали друзьями — настоящими, верными, близкими. А потом жизнь подарила мне другую любовь, от которой, оказалось, сбежать еще сложнее.

Глава 4

...Снова отрапортовала кукушка. Неужели прошел целый час? Отголоски прошлого крадут у

нас реальность. С трудом вернувшись в настоящее, перешагнув двухлетний рубеж, я принялась терпеливо ждать, когда же Джу отложит книгу в сторону. Сегодня воскресенье, торопиться некуда, но от нахлынувших воспоминаний стало не по себе. Кажется, только вчера познакомились, но так много всего произошло с тех пор... Божественный лик юноши, который чуть не свел с ума при первой встрече, давно уже перестал болезненно волновать. Ко всему привыкаешь — даже к тому, что доводило до иступления. Наши ссоры по пустякам — тому доказательство.

Мысли снова побежали в обратном направлении. В голове всплыл инцидент прошлой недели, растянувшийся на целых два дня.

Около трех по полудню мы вышли из подземки на станции Карлсплац, чтобы пешком дойти до Штадпарка.

— Зачем ты взяла огромный зонт, сегодня разве обещали дождь? — с насмешкой спросил Джудит.

— Когда его не берешь — дождь обязательно начинается, — проворчала я в ответ, пряча за спину палку, доходящую почти мне до пояса.

— Купи себе маленький и таскай в сумке, — не унимался он.

— Слушай, оставь меня в покое! Посмотри лучше — розы отцвели. Когда только успели?! Ведь

лето, казалось, началось только вчера.

— Что ж, видимо, им пора — уже конец сентября, — произнес Джу. — Давай присядем — хочется курить.

До парка было еще далеко, а маленький скверик возле любимой католической церкви Карлскирхе находился всего в двух шагах.

— Идем, я заодно куплю колу.

Друг обвинил мою шею рукой, и мы, обнявшись, поплелись к автомату с напитками. Пара несложных манипуляций, и вот уже «сладкая парочка» — Джудит с сигаретой и я с бутылкой газировки — расслабленно растянулась на скамейке под раскидистой кроной старых кленов, напротив одного из самых необычных храмов мира. Огромное искусственное озеро, словно зеркало, отражало величественный абрис Карлскирхе. В дни, подобные этому, когда лучи солнца слегка золотили купол, но уже не могли достать до воды, невероятная игра света и тени делала общий ансамбль почти космическим. Молочно-белый костел лебедем плыл по воде, исполненный неподражаемой грации и элегантности. Лично для меня Карлскирхе — истинное воплощение Вены! Эkleктика архитектуры придает этой церкви уникальный шарм, которым могут похвастаться не многие исторические памятники. Помню, как при первой встрече с моей любимицей я часа три

просидела под куполом, рассматривая старинные фрески Себастьяно риччи и Йоханна-Михаэля роттмайра.

— Слушай, может, сыграем партию прямо сейчас? Хочешь бутерброд? Я что-то проголодалась.

— Эй. Давай не менять планы. Здесь не получится игры — слишком шумно.

— Ладно... Все же стоило выйти на следующей станции.

— Это была бы не ты, если б трижды не изменила решения!

Я показала ему язык и отвернулась.

— Ну хорошо, давай останемся, — со вздохом согласился Джудит. — Только выберем скамейку поудобнее.

По асфальту проползла мохнатая черно-желтая гусеница.

— Как ты думаешь, Джу, насекомые мастурбируют?

— Не знаю, но надеюсь, что нет.

— Почему так?

— Должны же быть у нас, людей, хоть какие-то преимущества! — засмеялся он. — Хватит того, что все мы ползаем по одним и тем же дорожкам.

— Может, мне уехать? — проговорила я, задумчиво облизнув обветрившиеся губы. —

Попытать счастья где-то в другом месте, где все станет на свои места?

— На какие такие места? Все места в мире одинаковые, они отличаются лишь тем, что в одном из них ты есть, а в другом тебя нет.

— Джу, твои слова невыносимо безнадежны.

— Шутишь? Мои слова — океан безграничной надежды. Самое главное в том, что ты *есть* хотя бы в одном месте. А невыносима ты сама. Даже не знаю, как мне удастся так долго тебя терпеть.

— Что?! Кто кого еще терпит! Только и отмазываю его у Стефании, — засмеялась я. — Все, точка! Буду перебираться в маленький городок, там люди относятся друг к другу терпимее.

— Давай-давай! Наконец-то перееду в комнату посветлее! — фыркнул тот в ответ.

— Ах вот оно что! Черта с два! Только ради того, что бы тебе насолить, никуда не свалю!

Ветер пугал волосы и нагонял тучи.

— Да ты и так никогда не решишься. — Джудит, лениво улыбаясь, грациозно вытянул ноги.

— Почему это?

— Капкан.

— Город?

— Состояние.

— Как же тогда быть?

— Остепениться, найти мужа, нарожать

детишек. В общем, стать классической бургершей. А дядя Джу всегда будет рядом, чтобы научить твоих спиногрызов музыке, например.

Я залилась смехом и, схватив его за уши, закричала:

— Да, конечно, ты прав! Мне никогда не покинуть этот город, ведь больше ни в одной другой стране мира я не найду такое чучело, как ты. Как же я люблю тебя!

— Репетируешь. — Усмехнулся Джу.

— Нет! Читаю с листа. — Прищурилась ехидно.

— Ну тогда получай!

Не успела я опомниться, как он, подражая вампиру, впился в мое горло зубами. Вроде бы невинная шалость, если бы не скользнувшие по моей шее губы. Тщательно выстраиваемая защита была пробита.

Я вспыхнула.

— Эй! Полегче! Еще не хватало мне засосов!

Не успела моргнуть, как Джудит уже сидит, потирая пальцами левую мочку уха. Он видит мою растерянность. Сволочь! именно этого ждал! Ну что же, «слабо или не слабо»? За мной не заржавеет. Я еще отомщу.

— Еще раз такое позволишь — убью. Понял? — Улыбаюсь спокойно в ответ, но чувствую, как ягодицы напряженно сокращаются.

Раз, два! раз, два!

Друг кивнул с улыбкой победителя.

Из моей сумки появились шахматы.

— Ну что, начнем!

— Давай.

Мы расставили фигуры. Я спрятала за спиной две пешки. Джудит вытянул черную.

— Как всегда.

— Не расстраивайся! Какая разница, кто из нас белый, а кто черный — мы все равно на одной доске, — передразнила я его.

— Умница.

— Не нуждаюсь в одобрении.

— В смятении?

— Ничуть не бывало.

— Запомнишь?

— Не забуду.

Партия началась. Большая шумная компания парней прошла по дороге. Некоторые приветливо кивнули нам, я ответила тем же.

— Кто это? — спросил Джу, когда ребята отошли.

— Понятия не имею. Эй! Так не честно! — возмутилась, взглянув на доску.

— В чем дело?!

— Пока я отвернулась, ты спер моего коня?!

— Шутишь?! Ты же продула мне его еще на третьем ходу! — запротестовал Джудит.

— Что?! Какой на хрен третий ход! Он только что стоял здесь! — завопила я, ткнув пальцем в пустую клетку, где всего минуту назад мой конь прикрывал левый фланг.

— Прекрати доставать! Его там не было и в помине!

— Ну тебя к черту! С тобой играть — себя не уважать!

— Ну и не играй! Все, пока, у меня куча дел. — Джу резко встал и зашагал прочь.

— Куда это ты собрался?! — в бешенстве прокричала я ему вслед. — Я что тебе, дура какая-нибудь тащиться отсюда самой!

Друг удалялся по аллее, нервно засунув руки в карманы.

— Ну и катись!

Даже не обернулся. Иногда мне кажется, что детство не закончилось — ни для меня, ни для Джудит.

Глава 5

На следующее утро, проснувшись с тревогой в сердце, я устало подумала: «Начинается!» и действительно — чутье не подвело. За окном поплыли черные тяжелые облака, грозящие пролиться колючим ливнем.

Когда плачет дождем осенний Париж, хочется

сентиментальничать, грустить, но все же улыбаться и вспоминать о хорошем Былом. Осенняя Вена далека от романтики. Она угнетает и давит своей холодной пустотой. В такие ненастные дни я безудержно тосковала по родине. Особенно по тем местам, где среди вьющейся лозы виноградников и петляющих в горах тропинок прошло мое бесшабашное детство. Там, утопая в объятиях бескрайней икристой синевы, зеленел вечно молодой полуостров Крым, а пропитанный солью морской бриз, словно искусный парфюмер, смешивал ароматы степных трав, эвкалипта и пионов.

...Мой любимый запах принадлежал королю крымских дорог — кипарису. Ах, какая потрясающая горечь исходит от его светло-серых шишек, если растереть их между пальцами! Девчонкой, гоня по залитым солнечными лучами аллеям курортного парка, я на бегу срывала с дерева его мясистые плоды, чтобы, прикусив их, почувствовать на языке знакомую кислинку. Для каждого родные края отзываются своим ароматом, для меня же дом пропитан этим терпким и до слез любимым благоуханием. А еще — воспоминаниями, которые нет-нет да и нахлынут неожиданно-негаданно. И от них на душе то светло, то печально становится. Светло от того, что, даже спустя время, они все так же волнуют, печально —

от того, что в страну под названием Прошлое пути больше нет...

Прислонившись лбом к холодному стеклу, я снова кинула апатичный взгляд на улицу. Машины и мотороллеры одни за другими отъезжали от парадных. Медики, менеджеры, учителя, служащие отелей, повара и коммивояжеры торопились на работу, выполнять свою монотонную ежедневную функцию винтов в огромной машине государства, которое меня — иностранку — никогда не признает своей. Мне бы взять и улететь вместе с перелетными птицами на юг. Ведь теперь, когда кошмар по имени Роберт, наконец отпустил душу, здесь почти ничего не держит. Пожалуй, стоило бы уехать, начать все заново где-то в другом месте, стереть из памяти множество отвратительных воспоминаний, да только есть одно но!.. Имя ему Джудит.

Кем бы он ни был для других, кем никогда не стал бы для меня — это ничего не меняло. Оказавшись единственной несокрушимой преградой на пути моего стремительного падения в бездну, он, сам того не понимая, подарил мне веру в Сверхчеловека, и лик Спасителя приобрел четкие черты. Святость нашей дружбы, согретая пламенем огромной благодарности, казалось очевидной. Что скрывать, я всей душой прикипела к юноше, открывшему мне совершенно иной мир, в котором,

по утверждению злых языков, моя жизнь была всего лишь жалким придатком. Жалким придатком? Может быть. Но, удивительно, именно рядом с Джу, перестав бояться привязанностей, я на какое-то время задышала свободно.

Отсутствие физической близости между нами в тот период виделось лишь логическим завершением цепи вечных разочарований в объекте вожделения.

Мне, обескровленной очередным бурным романом, хотелось только одного — закрывшись в уютном футляре бездействия, просто созерцать тлеющий между мужчиной и женщиной уголек преданности и глубокой симпатии. Джудит дал мне все это, он дал мне даже больше. Казалось, ни одна любовная связь не сможет заменить или восполнить такую дружбу.

И все же тоска настигала, особенно вот в такие осенние дни, раздражая по утрам, когда иллюзия созданной идиллии рассеивалась, неумолимо напоминая об одиночестве холодной постелью и жестокой бессонницей по ночам...

Постучала в стену. В ответ — тишина. Джу снова не ночевал дома. Ему безразлично, что мы все еще в соре.

Как заставить себя реагировать без крайней досады на ту часть жизни близкого, которая с тобой не связана? Как научиться делить мир пополам, не

перетягивая на себя одеяло, или скорее научиться делить Джудит с миром, отбросив прочь чувство ревнивого собственничества?

Да никак! Потому что тогда в твоём долбанном существовании, где напрочь потеряны какие-либо ориентиры, вовсе ничего не останется.

Застелив на скорую руку кровать, я отправилась на кухню, где Стефания внимательно следила за детьми, увлеченно уплетающими аппетитный завтрак.

— Садись быстрее, еда остывает, — пригласила меня к столу хозяйка.

— Сейчас, только умоюсь.

В ванной комнате, долго всматриваясь в черноту под глазами, в бледность осунувшегося лица, я невольно застонала, да так громко, что, испугавшись, прикрыла рот рукой.

Что со мной происходит? Куда я качусь? Бывшая выпускница Лозаннского университета, в совершенстве владеющая немецким и английским языками, еще недавно с улыбкой смотрящая в будущее, сегодня в очередной раз сядет меж стеклянных перегородок редакции литературного журнала и будет делать вид, будто пытается осчастливить мир открытием нового гения. На всех колоссальных усилиях прошлого поставлен жирный крест. Только собственное самолюбие не позволяло прокричать во все горло: «Привет,

неудачница!»

За два с лишним года жизни в Вене сделать карьеру мне так и не удалось. Круговорот любовных страстей, путешествия, праздная суета... Когда тут подумать о перспективах! Я устроилась в редакцию скорее ради шутки, дабы пресечь поток родительских истерик, нежели из жизненной нужды. Мне пришлось пойти на компромисс. Хотите, чтобы у меня была работа? Да пожалуйста! Теперь я трудящийся элемент! Моя профессия не по чину магистру наук?! Ну извините! Сами учили: «Все профессии нужны, все профессии важны!» Ха! Съели?!

Они, конечно, съели и долго, сцепив зубы, помалкивали, лелея надежду на то, что их в очередной раз слетевшая с катушек дочь все же одумается и, наконец, выйдет замуж за человека своего круга. Хотя брата Сиси они не сильно-то жаловали.

Но даже в этом я не оправдала их надежд!

С Робертом серьезных отношений не вышло по многим причинам. О них еще предстоит рассказать. Зато мое «беспринципное сожитительство с гомиком» добило родителей окончательно. Мамины постоянные звонки с просьбой вернуться домой, папины гневные речи — все оставалось без ответа. Легко показывать норы и заносчиво пренебрегать советами старшего поколения, когда

на твой счет каждый месяц перекидывают пару тысяч евро! В итоге они не выдержали и нанесли сокрушительный удар, беспощадно заблокировав кредитку. Помню, в тот день в телефоне затрещала СМС отца с грубыми словами и ультимативными угрозами — «если», «гребаный пидор», «как шалава». Этикет отошел в сторону, уступив место давно сдерживаемому гневу и признанию.

На мою голову словно вылили ковш раскаленного олова. В глазах потемнело от бессилия и злобы. Ах вот вы как! Я ведь не нюхаю кокс и не колюсь под забором, чтобы со мной поступать подобным образом. Ничего, проживу и без ваших бабок. «Грязь словесная идет от грязи душевной!» — революционный протест в ответ и больше ни одного звонка домой долгие месяцы. В молодости, с большим трагизмом мусоля свою боль, мы не слишком-то задумываемся о чужой...

Чтобы оставаться на плаву, я продала машину и положила деньги в банк. Каждый месяц мне стали выплачивать неплохие дивиденды плюс жалование в редакции. Оказалось, существовать с меньшими затратами не так уж сложно. Конечно, потребовалось достаточно усилий, чтобы на смену капризной переборчивости, а точнее неразборчивости, пришел здравый смысл и выбор приобрел реалистично-избирательный характер. Но только перестаешь мыслить категориями «неважно,

сколько это стоит», как неумная жажда к вещам, кажущимся на первый взгляд потенциально необходимыми, чья ценность, по сути, лишь в шумихе вокруг них, пропадает сама собой. Так что безденежная жизнь, к удивлению, не стала катастрофой, скорее досадным неудобством и мерилем нового сознания. Другой вопрос — отсутствие средств, безусловно, уменьшило зону комфорта, то, что принято цинично называть свободой, но и к этому можно привыкнуть при желании.

В моем случае нужды в безумном отречении от родительской помощи, кроме упрямого желания настоять на своем, не было. Так какого черта я продолжаю сопротивляться судьбе, предоставившей мне карт-бланш, сижу и вычитываю синопсисы?! Подними трубку! Позвони отцу! Униженно и пристыженно признай, что ты проиграла в извечной борьбе поколений, и тут же без особого труда тебя переместят в число лучших работников любой корпорации.

Я бросила угрюмый взгляд на отражение в зеркале.

Не дождетесь вы моего покаяния...

Туго собрав волосы в хвост, вышла в коридор. Гретта, держа в руках сумку брата, стояла у двери, нетерпеливо постукивая пальцами по телефонному столику. Сколько недетской строгости и ума в этом

взгляде! Эдакая маленькая училка — внешнею походя на мать, а натурой и манерами — в бабушку. Хотя можно ли точно утверждать в период полового созревания подростка, чью внешность и темперамент он перенял?! В считанные дни его облик может измениться до неузнаваемости, а уж о непостоянстве нрава вообще лучше помолчать. Колебания настроения от нервно-приподнятого до трагично-суицидального наполняют характер то излишней манерностью, то беспринципным нигилизмом. Бушующие гормоны превращают жизнь в культ Фатального Поражения, нередко оставляя на память шрамы от лезвий на запястьях...

...Когда мне стукнуло четырнадцать, я, девчонка из элитной спецшколы, взяла и «ушла на улицу». С замирающим сердцем влилась в огромное море неприкаянных малолеток, проповедующих романтику чердаков и подвалов, фанатично, как подобает возрасту, уверовала в религию дворовой свободы.

Я была безрассудной, порывистой, упрямой и немного по-хорошему чокнутой. Я жаждала любви безграничной, искренней, способной изменить мир, верила в смелость друзей, хрипло вопящих: «Перемен требуют наши сердца», в силу чувств Последних героев. Увы, девочки подыскивают мужей по образу и подобию своих отцов лишь

после того, как сильно обожгутся на бродягах. Да и дерзкие смельчаки становятся неудачниками тоже не сразу. А впрочем, есть ли разница, каким будет плавание твоего корабля — славным или бесславным? Все мы начинаем одинаково — выпадаем росой на траве по утру — и кончаем так же. Лишь почувствуешь это нутром, сразу примиряешься с прошлыми ошибками, прощая по дороге «презренных».

При моем первом появлении в школе с железной серьгой-крестом и в кожаном напульснике наша классная дама тихонько попросила меня снять порочащие ученическую форму элементы. После выбритого затылка и черной помады на губах меня час обрабатывали на ковре у завуча-заики. Но когда на уроке психологии я изложила теорию «наркотики как средство влияния на толпу», моих родителей немедленно вызвали к директору. Нотации и стенания Ивана Андреевича продолжались больше часа. С безжалостным равнодушием юности я наблюдала за нарастающим напряжением внутри небольшого кабинета, где между окном и старым учительским столом метался высокий худой человек с первичными признаками купероза на лице.

— Наше учебное заведение, которое, как вам хорошо известно, скоро отметит столетний юбилей, не выдержит наступления неформалов. Если Свята

продолжит нарушать дисциплину, сами понимаете, придется поставить вопрос о ее отчислении. Правила и традиции нужно чтить и уважать, — резюмировал директор напоследок, ядовито покосившись в мою сторону.

Желание унижить меня граничило в нем с жаждой отмщения за всех павших в педагогических войнах. Его где-то можно было понять.

Отец угрюмо молчал, предоставив матери отдуваться за двоих. Мама, которая всегда старалась избегать конфронтации, глубоко вздохнула и, опустив глаза, произнесла:

— Иван Андреевич... Не то что бы я хотела оправдать поведение Святы, но... Короткая стрижка и нестандартное мышление — это еще не повод для клейма, ведь так? В стране перемены, молодежь это чувствует глубже нас.

— Анастасия Степановна, к счастью, в нашей школе эти так называемые перемены чувствует только ваша дочь. — Тот раздраженно поджал губы. — Все остальные продолжают прилежно учиться.

— Насколько мне известно, у Святы прекрасная успеваемость, а касательно ее внешнего вида мы постараемся найти компромисс.

Спокойный голос матери стал металлическим. Злость или унижение придали не свойственный ему оттенок, сложно сказать. Но самоотверженность,

проявленная в защиту взбалмошного птенца, впервые вызвала в моей душе бурю эмоций, смысл которых сводился к одному: «Сила женщины в ее детях».

— И все же я бы хотел подчеркнуть, что... — директор попытался развить свою мысль, но был грубо прерван.

— Мы вас услышали. Вопрос будет решен. — Отец резко встал и, не прощаясь, вышел из кабинета. Его белая «Волга» с визгом завернула за поворот, когда мы с мамой спустились во двор школы.

— Чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы у папы были неприятности на работе? — устало спросила она, проводив взглядом семейный автомобиль. — Вынь эту дурацкую железку из уха, у тебя что, мало приличных серег?

— Спасибо, мам, — сказала я, благодарно сжав ее руку, но крестик не сняла.

Это мои принципы, за них я буду бороться, а отец все равно простит, хоть и ворчать будет минимум неделю.

Но я ошиблась — родительская любовь тоже имеет пределы. Уважение к самому себе, хочешь не хочешь, победит терпимость и желание мирным путем приобрести уважение несносного ребенка. Однажды, когда моя комната наполнилась гулом друзей, отца прорвало. Распахнув дверь, он жестко

потребовал:

— Пусть они немедленно покинут мой дом. Немедленно, иначе пожалеешь!

Я побледнела от унижения. Как он смеет разговаривать со мной в подобном тоне?! ребята молча выходили из комнаты, а я пристыженно замерла посреди руин своего старого мира. В тот вечер отец впервые поднял на меня руку. Обжигающий след пощечины я до сих пор чувствую на своей щеке. Помню, как бросилась на него с кулаками и яростным криком: «Ненавижу!» Помню маму, отважно ставшую между нами. Очки отца на полу у серванта и немое недоумение в его близоруких глазах. Помню, как с воплем: «Еще раз тронешь меня, убью!» яростно хлопнула дверью...

Холодный ночной ветер колот лицо, нервно стучали зубы, а наивный вопрос «За что?» рвался наружу чуть ли не волчьим воем. Непослушным пальцем нажала чужой звонок. У мальчишки, появившегося на пороге, были серые глаза с большими девичьими ресницами.

— Привет... Можно у тебя переночевать?

— Свят, ты что?! Родаки ж тебя прибьют потом.

— Мне похрен. Такпустишь или нет?

— Хорошо. Только здесь сегодня куча народа — поспать спокойно не выйдет. А ты ж у нас неженка.

— Оставь подколы на завтра, о'кей? — Руки все еще трясутся, под веками жжет, но хрен вам, не разревусь!

— Ладно-ладно. Заваливай. Вижу, тебе нужно бухнуть.

— Спасибо.

Потом брат рассказывал мне, что заплаканная мама потребовала тогда от отца: «Если ты не хочешь потерять ее окончательно, найди и измени все». Но папа не послушал, не бросился в ночь на поиски. Вероятно, в его решении было больше отчаяния, чем гордыни. Тяжелее всего примириться с тем, что твоя маленькая девочка, еще недавно радостно кидающаяся навстречу крепким объятиям, превратилась в бесконтрольную дрянь и уже никогда не станет прежней. Надежда — самая опасная химера человека, крушение надежд — самая страшная боль...

Вот так, из-за глупости и упрямства, началось мое блуждание по квартирам друзей. Они с ироничным уважением относились к моему протесту и с радостью помогали беглянке катиться по наклонной. Школа была заброшена, руку украсили три шрама — брататься в годы моей юности считалось привилегией отчаянных смельчаков.

Тогда же я потеряла девственность. Переполненная адреналином, романтикой и

подростковым сексуальным зудом, я в слепую бросилась в омут придуманных чувств. Как любой девчонке, мне мечталось о единении двух сердец, но вышло все довольно прозаично.

Вижу, как сейчас, сереющие осенние сумерки, мальчишечьи пальцы, перебирающие струны гитары, горько-приторный запах травы... А потом долгие поцелуи, неловкие ласки, смятое постельное белье сомнительного цвета, трепет в груди при виде любимого лица и вдруг — присутствие инородного предмета внутри. Ни страха, ни счастья, лишь крайнее удивление. Это и все?! Быстро, обыденно, даже без боли?! А ты, как дура, всеми цветами радуги рисовала первое соитие. Ты мечтала с ним стать чем-то большим, а выйдя на балкон перекурить, хладнокровно и опустошенно подумала: «А глаза ведь у него мутноваты. Да и место не подходящее.»

Посмотрев на Гретту, я мысленно вздохнула:

— Да, милая, тебе повезло меньше моего! Воли тебе никто не даст. Хотя, может, это и к лучшему...

Конечно, малышке безумно нравился Джудит. Это было очевидно. Я часто предупреждала друга о неминуемой развязке в случае, если он не прекратит поддерживать девичью мечту. Джу лишь отшучивался в ответ. Грустно, что любовь часто дарит себя тем, кто не нуждается в ней...

Улыбнувшись Гретте, я погладила ее нежную щеку. Та, печально вздохнув, посмотрела на часы. Переживает, не любит опаздывать в школу. Но вот Рихард появился в коридоре, и девичье лицо оживилось. Выпихнув на лестничную клетку белобрысого кулему, она отчитала его, как полагается, и через минуту лифт унес их к новым знаниям. Дождавшись ухода ребят, мы со Стефанией присели к столу.

— Ты разбудила Джудит? — спросила она, насыпая в мою тарелку хлопья.

— Он сегодня не ночевал, — повторила я заезженную фразу, и меня тут же накрыла знакомая волна раздражения.

— Заканчивать ему нужно с этой работой. Поговори с ним, прошу тебя, — движение руки, чуть более нервное, нежели обычно.

Окинув Стефанию быстрым взглядом, я недобро подумала: «Ну так и говори, если тебе невмоготу, мне какое дело».

Было видно, что в материнской любви Стефании к Джу сквозят далеко не материнские нотки. Каждая женщина, независимо от возраста, чувствует себя молодой рядом с красивым, сексуальным парнем. А поскольку наша хозяйка до сих пор не подозревала о гомосексуальности Джу, ее сердце, не добравшее мужской любви, явно стучало чаще при виде моего друга.

— Ладно. Поговорю, — не моргнув глазом, соврала в ответ.

Пятью минутами позже входная дверь скрипнула, и из коридорного мрака вынырнул силуэт ночного гуляки.

— Доброе утро, девчонки! — Приветливо кивнул он нам. — Что на завтрак? Жутко голоден.

Бодрость голоса, свежесть лица... Таскался всю ночь, и никаких следов!

— По-моему, работа идет ему на пользу, — буркнула я, отхлебывая сок.

— Да, как никогда потрудился, — засмеялся тот, тайком от Стефании демонстрируя мне цепочку с изящным золотым медальоном.

Бесстыжая продажная морда! Так и треснула бы по ней кулаком! Нет, сегодня ограничимся холодом презрения.

— Мой быстрее руки. Все уже остыло.

Стефания, поднявшись из-за стола, радостно засуетилась. Тарелка мгновенно наполнилась едой, а чашка — горячим кофе.

Демонстративно поджав губы, я положила бутерброд с ветчиной на стакан с соком и направилась в гостиную.

— А хлопья?

— Не буду.

— Ты чего злая? Снова не спалось? — спросил Джудит, выглядывая из ванной комнаты с

намыленными руками.

— Кто это решил поинтересоваться моей персоной?! — ядовито бросила через плечо, включая телевизор.

Ведущий новостей с неприятными близко посаженными глазами вещал о выданном Интерполом ордере на арест старшей дочери Саддама Хусейна, Рагад, разыскивающейся за терроризм. Однако, судя по видеоролику, крашенная сорокалетняя блондинка в очках от Chanel последнего сезона и не собиралась прятаться. Она преспокойно разгуливала по самому престижному кварталу Иорданской столицы. Кадры мельтешили событиями прошлого и настоящего, погружая мир в мельчайшие до тошноты подробности чужой личной жизни.

Вот старые фото Саддама Хусейна со всеми членами семьи, которые открыто улыбаются миллионам жаждущих их крови зрителей. Тут же сделанные мобильным телефоном снимки с казни диктатора, затем улицы Багдада до и после вторжения войск коалиции. А в бегущей строке титры — «кровавые миллиарды так и не найдены».

— Как ты думаешь, сдаст ли им арабская мадам счета — единственную гарантию собственной неприкосновенности? — спросил Джу. — Никогда! Потому что эта тетка с миллиардами — такая же актриса, как и любая

порнозвезда, стонущая на камеру. Все рассчитано до мелочей на идиотов, сидящих возле коробки.

Рассевшись в кресле, он принялся с аппетитом борца сумо уничтожать содержимое тарелки. Я хмыкнула, медленно отправляя последний кусок в рот. Надо же, какой неумный!

— Для справки: мы с тобой еще в ссоре. Так что не ищи во мне собеседника.

— Слушай, ну я действительно не брал твоего коня. Правду говорю. — Джу фамильярно потрепал меня по плечу.

Притворяюсь, будто не слышу признаний друга, не чувствую его крепкую ладонь, от прикосновения которой теплеет в груди. На самом деле мне хочется поболтать, и я сдаюсь.

— Ладно. Знаю. Он просто завалился за доску. Лучше скажи, ты хоть минуту спал этой ночью?!

— Не-а! — Хихикает тот, откинувшись на спинку кресла. — Хочешь подвезу на работу?

— Не понимаю, за что природа так благосклонна к тебе! — Сокрушенно качаю головой. — Мир, без сомнения, сошел с ума!

— Террористка, разгуливающая в часах от Картье, порноактриса, возведенная в ранг дочери президента, красотка, делающая вид, что пытается отшить сумасбродного дружка, а на самом деле с собачьей преданностью ожидающая его у двери... Да! Мир однозначно сбрендил! — Джудит, прижав

руки к груди, зашелся в фальшивом собачьем скулеже, переходящем в громкий смех.

Глумливо-жестокие слова, ударившие большее плети, мое спертое дыхание, произвольно, с шумом втянутый раздувшимися ноздрями воздух — зайти так далеко удавалось только ему...

Мне бы вклеить хаму пощечину, встать и выйти из комнаты навсегда! Но вместо этого я, как самая последняя базарная торговка, обложила его трехэтажным русским матом, получая удовольствие от каждого грязного слова.

Энергично кивая головой в такт очередного ругательства, будто подначивая меня на еще более изощренные обороты, Джудит хохотал, не переставая. Его ямочки на щеках, белозубая улыбка — все это разжигало мой пыл еще сильнее, а слова лились и лились исцеляющим потоком, пока не иссякли вместе со злостью.

— Ух как сверкала глазищами, сушая ведьма! — хитро подмигнул Джудит.

— Скажи спасибо, что не врезала по роже! — фыркнула я снисходительно, в душе довольная собой, как никогда.

— Вот теперь ты в норме. — Он вытащил из кармана конфету «Моцарт» в золотистой обертке и протянул мне. — Нес малышам, но ты не старше их. Держи, заслужила.

— Смейся-смейся, бессовестный. Посмотрим,

кто будет это делать последним! — примирительно пожав плечами, предупредила я, откусывая шоколадное сердце.

В моем голосе больше не было болезненной обидчивости. Что поделать — наши фантомы сильнее нашей гордости.

Спустя полчаса белый Ducati с ревом вылетел из тихого двора и, мастерски лавируя между автомобилями, помчался в сторону моей редакции. Бешеная скорость и рядом сидящий Джу очень скоро привели меня в прекрасное расположение духа, и уныние уступило место веселью. Со сладким удовольствием я потерлась щекой о лайковую кожаную куртку, улыбаясь своим мыслям.

«Мы больше, чем любовники».

Глава 6

...Услышав крик деревянной птицы в третий раз, я поняла: воспоминаний на сегодня хватит.

— Не кажется ли тебе, будто эскалатор метрополитена имеет метафизический, я бы даже сказала, экзистенциальный смысл?

— Что? — рассеянно переспросил Джудит, очнувшись от своих мыслей.

— Мы проплываем по нему друг мимо друга, появляемся и исчезаем из поля зрения, безликие

среди безликих.

— Начинается... — Зевнув, парень нахохлился, как воробей на ветке.

— Нет, ну серьезно. Представь...

— Даже и не собираюсь.

— Встав на первую ступеньку, человек полностью отдается во власть этого металлического питона, принимает пассивность своего бытия. Таким образом, движение машины поглощает наше собственное.

— Хорошо, что у тебя одна голова и один рот, дорогая.

Делаю вид, будто смотрю в окно, на самом же деле исподтишка наблюдаю за реакцией приятеля, хмурящего недовольно брови. Этим утром паршивец столь вызывающе хорош, что мне трудно удержаться от соблазна подразнить его.

— И в этом пространственно-временном промежутке люди фактически перестают существовать — они покорно позволяют либо низвергнуть себя во чрево земли, либо изрыгнуть себя оттуда прочь. Что ты об этом думаешь?

— Что подобные идеи проскальзывали у Кортасара в «Преследователе» и даже на обложке «Abbey Road». Так что, боюсь, ты не оригинальна, — съехидничал Джу.

Поднявшись, он подошел к балкону.

Щелчок задвижки, и вихрь уличного шума

залетел в комнату, а вместе с ним — огромная муха.

— Покурю, не против?

Я промолчала. Он вытащил из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой Zippo.

— Ладно, не дуйся, я ж не обиды ради, — сказал Джу, затягиваясь, и, выпустив клуб дыма, добавил, глядя прямо на меня: — Помнишь: «Мир намного шире, чем все мысли о нем».

Еле уловимое менторское высокомерие засквозило в его словах, словно ветерок из приоткрытой форточки.

Я криво ухмыльнулась:

— Спасибо, что напомнил.

Наклонившись, Джудит медленно опустил окурок в банку с водой на полу. Сигарета с тихим шипением опустилась на дно, словно субмарина с пробитым бортом.

— Это раствор для азалий, а не пепельница.

— Извини.

Джу потянулся. Небрежный жест руки, нырнувшей под майку, оголившийся живот из-под сползших на бедра джинсов, слегка задрожавшие ресницы, легкая ироничная улыбка на губах. Гаденыш, опять за свое!

И вдруг:

— Прочитав пару мудреных книг, не всегда становишься умнее. Мне кажется, лучше вообще не говорить на темы, в которых абсолютно не

разбираешься.

Кровь отхлынула от моего лица.

— А ты, конечно, разбираешься во всем, особенно в деньгах, побрякушках и мужских задницах!

Кто бы мог предположить, что день, начавшийся так мило, подложит огромную свинью.

— Не помнишь, кто сказал: «Выходя из себя, не хлопай словами»?

Джудит апатично зевнул и, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты, оставив настежь открытой дверь. В ярости я приложила ее о косяк с такой силой, что под обоями зашуршала осыпающаяся штукатурка.

— Не на вокзале! — рывкнула ему вслед, а после принялась мерить комнату нервными шагами, мысленно разрывая в клочья невидимого врага.

Обиды порой сильнее чувства меры. Как ни старайся с холодным рассудком относиться к любым каверзам судьбы, как ни убеждай себя, что миром правит великая магия сентиментальной, переливчатой доброты, всплывающее в памяти ироничное лицо нет-нет да и доконает.

«Выходя из себя, не хлопай словами». Ну вот почему за ним всегда последнее слово?! Ничего-ничего, настанет мой час, сволочь бесчувственная! За все отыграюсь!

Но дело ведь было не в игре «кто кого».

Причина крылась в боли — такой глубокой, что порой даже уязвленное самолюбие предпочитало помалкивать, находя самые невероятные оправдания глухонемому слабоволию. Да вот только хоть сто раз зажмурься, день не станет ночью. Отношения, кажущиеся идеальными, на самом деле месяц за месяцем подвигали меня к постепенной утрате личности, отказу от женского начала.

Разве такое возможно? Да запросто!

По правилам, установленным Джудит, в нашей паре право на существование имели любые проявления симпатии, пусть даже самые откровенные, лишь бы они не подталкивали к сексу. Однако всякий раз, когда желание поставить меня на место перевешивало порядочность, Джу безжалостно использовал арсенал запрещенных, но совершенно безотказных средств. Стоило ему дольше обычного задержать на мне взгляд, как сердце тут же начинало противно спотыкаться! Мой же ответный флирт бесславно тонул в безучастной улыбке...

Успокаивая себя призрачностью идеальных отношений, я предпочитала не замечать все чаще закипающие между нами ссоры. Что сказать! Только этим осенним утром я впервые смутно ощутила унижительную зависимость от своих иллюзий... Чувство отверженности горче полыни.

Хочешь не хочешь, пелена обиды застилает взор. И вот я уже обнимаю стремительно намокающую подушку.

«За что мне все это?! За что?!»

Дура! Да просто за самонадеянную уверенность, будто у судьбы на тебя есть отдельные планы. И в ожидании призрачного «Позывного» год за годом ты растрачиваешь силы на никчемные поступки. А ведь для высшей истины не существует добра или зла, только великая рациональность. Отношения с геем никак не увязываются с ней.

— Ах так?! Тогда хрен тебе, а не мои слезы!

Шаг по направлению к бару. У водки с тоником оптимистические нотки, если только много не пить! Всего одна порция коктейля — и снова окружающая действительность весело подмигивает. Схватив со стола «Венские новости», я решила пробежаться по «светской хронике». На втором развороте мне попался заголовок: «Крупнейшие техногенные катастрофы — кто будет следующим?», а дальше...

«Выброс нефти из танкера «Эксон Вальдез» (США) 23 марта 1989 г. — авария у берегов Аляски. В результате катастрофы около 10,8 миллионов галлонов нефти вылилось в море, образовав нефтяное пятно в 28 000 квадратных километров, загрязнив около 2000 километров береговой линии. Авария считалась наиболее

разрушительной катастрофой, которая когда-либо происходила на море».

«Бхопальская катастрофа (Индия) 3 декабря 1984 г. — крупнейшая в мире техногенная авария на химическом заводе пестицидов *Union Caribe* в индийском городе Бхопал, повлекшая за собой смерть 18 000 человек. Непосредственной причиной трагедии стал аварийный выброс паров метилизоцианата, в результате в атмосферу было выброшено около 42 тонн ядовитых паров. Виновные не наказаны».

«Чернобыльская катастрофа (Украина) 26 апреля 1986 г. — крупнейшая в истории человечества авария на АЭС. В результате разрушения четвертого энергоблока в атмосферу были выброшены радиоактивные изотопы, повлекшие за собой заражение поверхности земли. Большая часть стронция и плутония выпала в пределах стокилометровой зоны, тридцатикилометровая зона превратилась в зону отчуждения, из которой проведена полная эвакуация населения. В официальных источниках последствия катастрофы сильно занижены».

Сильно занижены?! Да вам всем даже невдомек насколько!

Список продолжался и продолжался, словно мир, ввязавшись в апокалиптический марафон, не в силах остановиться, вливал в пересохшую от

жажды глотку человеческие страдания: отравленные земли, зоны отчуждения, сотни тысяч безвинно погибших, потерявших кров, ставших инвалидами.

Пока статья била сухими фактами, мне еще удавалось удержать силу духа в кулаке. Но когда следом за ними хлынули нарезки воспоминаний очевидцев: жуткие, холодящие кровь, вызывающие приступы тошноты и лютой ненависти ко всем тем, в чьих руках беспомощно агонизируют наши марионеточные судьбы, — я сдалась. Технологический прогресс несчастной планеты пошел на меня войной с единственной целью — раздавить, как муравья.

Безумный страх вздул на голове вены. Вдох, выдох, вдох, выдох!

Не сработало! Кровь хлынула носом... Да что за день такой!

В коридоре послышался требовательный голос Гретты:

— Рихард, куда ты его снова загнал?

— Да вон же он, под диваном! Тащи его! Тащи!

Истощенный крик мальчика зазвенел в ушах, словно рой назойливых комаров.

— Сейчас черти ворвутся сюда! — замерла я настороженно.

На газете — дорожка из красных пятен.

— Только детей мне сейчас здесь не хватало!

Зажав нос пальцами, я бросилась к шкафу за платком. Беготня за дверью стихла, значит пронесло. Взгляд снова упал на запачканную газету. Страх отступил, оставив странное ощущение вины.

Минута колебаний, и вот уже рука нащупала в глубине нижнего ящика тумбочки спрятанную на крайний случай пачку «Marlboro Light».

От одной сигареты ничего не случится!

Но, не выкурив и половины, я ощутила неприятную тошноту и головокружение — точь-в-точь, как при первой своей затяжке в далекой юности...

...Сигареты Camel — ядовитая убойная сила. Мы нашли их с подругой в письменном столе моего отца. Для меня находка стала настоящим уличением тайного порока и почему-то представилась форменным предательством со стороны семьи. Папа всегда осуждал курильщиков. Надо же, какой абсурд! Вся наша жизнь — цепь сплошных предательств, пострашнее припрятанной пачки сигарет или стыдливо замаскированной коробки презервативов, а мы помним только самые мелкие из них.

Как часто я переступала через чувства родных ради эгоистичных желаний, не стоящих выеденного яйца. Сколько раз, задыхаясь от ударов под дых,

забывала о собственных отречениях! «цель оправдывает средства», — скажет спокойно кто-то. Мне ли этого не знать?! Но каждое оправданное целью средство — еще один шаг к фальшивому существованию, в котором на пьедестале одиночества будет биться в конвульсиях тщеславная душа...

...В задумчивости взболтав остатки коктейля, я залпом осушила бокал. В сущности, Джудит прав. Всякий мнит себя бескрайней вселенной, но не каждому удастся понять смысл не слишком-то мудреных книг. С отвращением швырнув сигарету в банку, я закрыла лицо руками. Пронзительное желание оказаться в родных объятиях оказалось сильнее гордыни.

Глава 7

Прислушалась. За стеной непривычная тишина. Обычно после наших ссор Джу врубал музыку на полную громкость.

«Неужели ушел? Да вроде не похоже. Чего гадать — пойди проверь».

Сбрызнув лицо водой из баллончика, я быстро причесалась, подвела веки, подкрасила ресницы. Облегающая черная майка с простыми узкими джинсами — в самый раз для такого момента! Не собираюсь показывать, как важно для меня все

происходящее.

Желание оправдать свою малодушную импульсивность придало действиям ребячливый апломб и легкую задиристость.

«Да, я иду мириться, но сначала стоит поставить обидчика на место».

Еще четверть бокальчика для смелости, а после стремительный рывок из одной комнаты в другую. Всего лишь мгновение, и лоно мира, где вечностью правят диджеи, всосало с силой водоворота.

Но что за розыгрыш?!

Воздух, который по логике вещей должен был наполниться запахом пороха, затрепетал от нежного волшебства флейты и виолончели. Из колонок, словно стая невидимых мотыльков, вылетали звуки «Серенады» Шуберта. От томящих, проникающих в самое сердце нот я замерла ошеломленно на пороге. И только спустя несколько мгновений, когда вступили экспрессивные валторны, мое внимание переключилось на Джудит. Хитрец лежал на кровати с заложенными за голову руками и внимательно следил за сменой эмоций на моем лице.

— Знал, что приду!

— Надеялся, что придешь! — цокнул он языком, прищурившись.

— Забавно. — В душе потеплело от нежности.

Мы улыбнулись друг другу, и в этих улыбках снова утонули все обиды и сомнения. «Серенаду» сменил «Вальс цветов». Ох! Как же безудержно захотелось закружиться с ним в танце на безлюдной поляне! или в прозрачном шифоновом платье помчаться по лесу, подобно чеховской Колдунье, чувствуя кожей, не оглядываясь, но чувствуя кожей, что он бежит следом, а потом, дав ему догнать себя и позволить повалиться наземь, покрыть его лицо поцелуями.

Но суровая реальность говорит жестоко: «Не можешь уйти? Тогда прими все, как есть».

— Иди сюда. — Приподнявшись на локтях, Джу ладонью постучал по кровати. — Не хочу ссориться. Если бы ты сейчас не зашла, пришел бы сам. Честное слово!

Уткнувшись носом в родное плечо, чувствуя, как новый комок перекатился в горле, я глубоко вздохнула. Переживу — мне не впервой! Все правильно — не можешь уйти, прими все, как есть. Реквием по мечте — музыка наших с ним отношений.

Друг легонько чмокнул в щеку и тут же, приняхавшись, подозрительно спросил:

— Ты что, пила?

— С какой радости! — соврала в ответ.

— Ты жутко испорченная девица! Знаешь об этом?

— На комплимент не похоже. — Быстро просунув руки под его майку, больно ущипнула за правый сосок. — Для этого же ты задираешь ее, подлец!

— Эй! Это была шутка! — засмеялся он и тут же добавил, неодобрительно качая головой: — Какой же ты бываешь невыносимо упрямой! Просто бесишь иногда!

— Ты меня бесишь намного больше! Поверь!

Знакомый запах тела, крепость мужских рук, близость, желание, дрожь, если и сдерживаемая, то на грани. Содрать бы эту трикотажную броню и сотворить неосуществимое!

— Что?! — спросил он, заподозрив неладное.

— Ничего. — Невинно заморгала.

— Черт! Я ведь знаю этот взгляд. Только попробуй пощекотать, убью! — закричал он в тот самый момент, когда я с визгом набросилась на него.

— Зараза! — застонал Джу, смеясь.

Вереща и улюлюкая, мы кубарем скатились на пол.

— Получай!

Подушка полетела мне в лицо. Я ахнула от неожиданного удара, но тут же прыснула от смеха, увидев свою всклокоченную голову в зеркале.

— Все, ты труп!

В такие минуты мое сердце переполняло

множество чувств, но главным из них была благодарность за близость. Мало кому удастся понять, о чем я говорю. Жизнь дарит лишь единицам столь сильное взаимопроникновение. Но те, кому посчастливилось встречать рассвет, лежа на мостовой рука об руку с близким человеком, услышат меня.

Мы посидели молча, крепко обнявшись.

— Слушай, совсем забыл, — вдруг спохватился Джудит, поднимаясь на ноги, — вчера Аркадия встретил в городе. У него явно рецидив. Выглядит удручающе. Правда, все такой же неугомонный оптимист. Чуть не удушил меня от радости. Он говорит, что у Сиси теперь почти все новые люди. Может, пройдемся по свежему воздуху, а?

Я оторопела.

— Вставай. — Джу принялся одеваться. — Пойдем прямо сейчас. Мы ведь у нее почти девять месяцев не были.

— Ты что, с ума сошел?! Даже не думай!

— Слушай... Прошла целая вечность! Думаешь, кто-то будет вспоминать о старых обидах? К тому же Роб там редко появляется. Давай-давай, прогуляемся. — Он настойчиво потянул меня за руку. — В конце концов, мы ничего не теряем. Все само собой решится.

— Ну не знаю...

Мы так чудесно проводили время вдвоем, зачем беречь старые раны? Я с грустью окинула взглядом комнату друга: у окна суперсовременный компьютер, колонки с сабвуфером, вертушка, вся правая стена — огромные стеллажи с пластинками, книгами, фотоальбомами. Над кроватью панно — два больших черно-белых фото, на них Джудит в роли модели — безупречен! На полу у окна красное кресломешок, яркое пятно среди серебристо-бежевых тонов. Мне не хочется уходить, здесь мой мир, но если уж Джу что-то задумал, его не остановишь, лучше сразу сдаться без боя.

— Дай мне пять минут, — нехотя сказала я и ушла в свою комнату переодеться.

По выходным на венских улицах уйма народа. Горожане, приезжие превращаются в одну хаотично двигающуюся массу, растворяющую индивидуальность. В то воскресенье было особенно многолюдно. Чтобы добраться на Наглергассе к дому № 12 нам пришлось перепрыгнуть десяток маленьких собачек, сотню раз наступить кому-то на ногу и тысячу раз извиниться за беспокойство.

И вот уже знакомый подъезд. Пожилая консьержка, уставшая от людской суеты, вяло бросает: «Лифт не работает». О'кей! На третий этаж можно и пешком. Настойчивый звонок, стук каблуков. Знакомый нежный голос говорит с

придыханием:

— Какая умопомрачительная галлюцинация!
Неужели нашли повод?

Легкий ветерок из приоткрытой двери...
Чувство вины, затопившее душу.

Часть III. Дольче вита

Глава 1

Сиси, она же Элизабет или просто Бет, как я уже упоминала, моя некогда самая близкая подруга, была потомственной австрийской аристократкой, любимым отпрыском богатой семьи Хильденбранд. Ее родителям, владельцам и основателям одной из крупнейших фармацевтических компаний, принадлежало огромное поместье с роскошным средневековым замком недалеко от Зальцбурга.

Те, кому хотя бы однажды посчастливилось побывать там, от зависти надолго лишались сна. Декоративные пруды и причудливые ротонды, тенистые корты и конюшни, столовые, рассчитанные на сотню гостей, кровати под балдахинами, а также целая армия горничных — весь этот грандиозный размах казался нереальным и сказочным даже самым обеспеченным. Надо отметить, Элизабет, выросшая среди дворцовой

роскоши и безграничной вседозволенности, решительно не испытывала неловкости по поводу своего статуса. Она одинаково свободно общалась как с друзьями, которых выбирала исключительно по зову сердца, так и с титулованной родней, чьи активы в ближайшие двадцать лет преумножать не собиралась. Обладая всеми привилегиями, высоким положением в обществе, славная сумасбродка безбожно транжирила выделенные ей средства на всякие прихоти, а особенно — на игру в либерализм. Кого только не заносило в ее венскую квартиру: художники, актеры, спортсмены, философы, писатели, диджеи. Двери всегда были распахнуты — добро пожаловать, кто бы ты ни был!

Безусловно, когда того требовали обстоятельства, Бет с легкостью превращалась в светскую львицу, чопорную аристократку с безупречными манерами, восхитительную и недосыгаемую Снежную королеву с глазами зимнего неба. Но перевоплощение происходило там, на подиумах и светских раутах, а в кругу приятелей Элизабет была милой и хорошей подругой, прекрасной собеседницей и хохотушкой. Наша Сиси грешила, выпивала, гуляла ночи напролет... Подчас она становилась празднично-фривольной или невыносимо циничной, одновременно искушенной и невинной.

Парадоксально! В головокружительном калейдоскопе своего характера она всегда пребывала в гармонии с собой и окружающим миром.

О Сиси мечтали, ею бредили, страстно жаждали, ненавидели и проклинали. А она, с детства привыкшая к всеобщему вниманию, даже и не пыталась ничего предпринимать для прекращения любовной лихорадки вокруг своей персоны.

Начальное образование Элизабет получила в Англии, в закрытой элитной школе для девочек. После, вернувшись в Австрию, поступила в колледж. Ну а по его окончанию был Лозаннский университет, факультет международного права, где мы с ней и познакомились. Грустно, конечно, что, успешно «добив» учебу, ни одна из нас не воспользовалась специальностью. Меня всегда привлекала литература, Бет, судя по всему, работать вообще не собиралась.

Однажды во время тестирования ей попался вопрос: «Что, на ваш взгляд, вы никогда не измените в своей жизни». Ни секунды не раздумывая, она написала: «Я всегда буду пить, курить и, надеюсь, никогда не потеряю вкус к сексу».

Конечно же, ее вызвали на педагогический совет и жестко отчитали. Надувшись и поджав

губки, паршивка ехидно парировала:

— В тесте просили отвечать правдиво.

Любой другой студент после подобной выходки полетел бы в тартарары. Но кто посмеет тронуть дочь фармацевтического магната и спонсора Университета?

Нет! Бет не была бунтарем. Играя без правил, моя подруга прекрасно понимала: для нее и ей подобных правила просто переписываются, а любые границы раздвигаются. Впрочем, из-за этих ее хитрых уловок я не переставала любить ее меньше. Яркая, умная, неординарная, она влекла меня за собой. С ней вместе мы умудрялись кружиться в водовороте мужского внимания, за ней без оглядки я поехала в Вену...

Грациозная, длинноногая, неизменно на высоченных шпильках и в платье с откровенно-шокирующим декольте. Знакомьтесь, это Сиси! Виват, королева!

За спиной Джудит не видны ни мое смущенное лицо, ни впившиеся в ладонь ногти, но, кажется, ироничный взгляд Бет уже буравит мое нутро, и я готова бежать куда подальше, перепрыгивая через две ступеньки.

— Теперь для визита к тебе нужен повод? — спасает ситуацию Джу. — Как ты, старушка?

Приветливые объятия, поцелуй в губы. Для кого-то примирение — всего лишь констатация